ПОКА
ГОРИТ
ТАБЛО
18+

Диана Эверли
Пока горит табло

https://litres.ru/74696074
SelfPub; 2026

Аннотация

Ася Волкова когда-то считала победы секундами на табло бассейна. После травмы плеча она учится рассказывать о чужом спорте — и получает работу в медиаотделе университетского баскетбольного «Маяка». Ей нужен честный репортаж о команде, которой жизненно важен выход в финал.

Капитан Лев Горин терпеть не может камеры и привык решать проблемы сам. Даже когда боль в колене мешает играть, а от сезона зависят его стипендия и будущее. Ася готова добиваться ответов, но не превращать чужую боль в сенсацию. Лев учится доверять ей — и товарищам, без которых команда не сможет выиграть.

Когда под вопросом оказываются восстановление игроков и деньги клуба, им придётся решить, что важнее: красивая история победы или правда, с которой можно жить после финальной сирены.

Содержание

Глава 1. последняя минута 5
Глава 2. условия 38
Глава 3. право на вопрос 62
Глава 4. выезд 97
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Диана Эверли
Пока горит табло

Пока горит табло
Спортивный роман

Глава 1. последняя минута

Когда на табло оставалось двадцать семь секунд, Ася Волкова поняла, что прощается с работой.

Сначала пропал звук. Потом изображение. Экран ноутбука, на котором должен был идти прямой эфир университетского матча, застыл на лице капитана «Маяка». Лев Горин открывал рот, то ли выкрикивая комбинацию, то ли споря с судьёй. Над его головой горел счёт: 68:69.

— Скажи, что это заставка, — попросила Ася.

Единственным человеком рядом был оператор Егор. В момент вопроса он стоял на корточках, придерживая штатив коленом и пытаясь одной рукой вставить штекер в разъём.

— Это заставка нашего будущего увольнения, — сказал он.

— Звук с камеры есть?

— Был.

За прозрачным ограждением верхней трибуны зал гудел так, будто под полом завели мотор. Зрители в синих шарфах, свободно перемещавшиеся по рядам весь матч, теперь стояли. На площадке взвизгнули кроссовки. Кто-то рявкнул: «Назад!» Судья поднял руку, показывая последние секунды владения.

Ася посмотрела на экран своего телефона. В чате трансляции появились первые вопросы.

«Это у меня зависло?»

«Верните игру».

«Плачу за интернет, чтобы смотреть на Горина крупным планом».

Последнее сообщение понравилось уже семнадцати зрителям. Ася бы порадовалась их чувству юмора, если бы в первом ряду под трибуной не стоял Аркадий Сомов — руководитель спортивной программы университета и человек, которому она три часа назад уверенно пообещала: «Я справлюсь».

Сомов повернулся к ним. В его руках был телефон. На экране у него тоже застыл Горин.

— Егор, у меня есть камера на телефоне, — сказала Ася. — Давай картинку с неё. Комментарий дам сама.

— Задержка будет секунд пять.

— Лучше задержка, чем памятник капитану.

Егор поднял голову. Он явно собирался возразить, но за площадкой трибуна взвыла: судя по всему, гости промахнулись. Подбор. Ася не стала выяснять детали. Она открыла резервный эфир, подсоединила телефон к стойке и нажала кнопку.

— Мы вернулись, — сказала она в микрофон. — На площадке последняя атака «Маяка». Прошу прощения за сбой. Сейчас посмотрим, смогут ли хозяева вырвать победу.

Голос прозвучал спокойнее, чем она себя чувствовала. В наушнике шипело; комментарий шёл с микрофона телефо-

на, без привычной обработки. Ася осторожно взяла устройство со стойки и направила вниз.

Горин вёл мяч к центральной линии. На нём висел защитник гостей, низкий, быстрый, с плотно прибинтованным запястьем. Лев жестом отправил Тимура Ахметова на левый край. Центровой «Маяка» поднялся к дуге и поставил заслон. Защитник обошёл его, второй игрок соперника шагнул навстречу Горину — обычная ловушка, ожидаемая и всё же опасная.

— «Маяк» начинает через верх, — сказала Ася. — Времени на атаку достаточно, до конца игры десять секунд.

Она видела, как Лев перенёс вес на правую ногу. В первом тайме он уже проходил с этой позиции, резко меняя направление. Сейчас он сделал движение, но вместо прохода отдал передачу в угол. Мяч нашёл Тимура, оставшегося одного после того, как защитник сместился к капитану.

Тимур бросил.

Шар ударился о дальнюю часть кольца, подпрыгнул и на мгновение завис, словно тоже хотел посмотреть, что дальше. Зал замолчал. Потом мяч упал в корзину.

На табло вспыхнуло 71:69. До конца матча — две целых восемь десятых.

— Три очка Тимура Ахметова выводят хозяев вперёд, — сказала Ася. — Но матч ещё не закончен. У гостей остаётся время на ответ.

Она хотела крикнуть вместе со всеми. Хотела бросить те-

лефон Егору и ударить ладонью по столу, как в детстве делала на соревнованиях, когда сестра финишировала первой. Но два с половиной часа назад Егор предупредил её: в эфире особенно важно не объявлять победу раньше сирены. Университетский спорт выработал у него суеверия, которым Ася пока не доверяла, однако соблюдать их собиралась.

Тренер гостей взял тайм-аут. Игроки разошлись к скамейкам, и Ася приблизила изображение. Ирина Максимова, тренер «Маяка», что-то быстро рисовала на доске. Горин стоял рядом, руки на бёдрах. Он слегка отставил левую ногу, разгружая её, и от этого движения внутри у Аси что-то неприятно сжалось.

У неё самой такой жест сохранился на одном видеозаписи. Соревнования три года назад. Она вышла из воды, улыбалась камере, махала подруге и всё время держала правое плечо чуть ниже левого. Видео до сих пор лежало в интернете под заголовком «Уверенная победа Волковой». Когда она первый раз после операции посмотрела его без звука, то заметила свою боль прежде, чем увидела медаль.

На площадке команды вернулись к последнему розыгрышу. Гости вводили мяч от боковой линии на своей половине. Передача пошла через центр, следующий игрок запустил дальний бросок почти с сиреной. Мяч не долетел до кольца.

Зал взорвался.

— Всё. «Маяк» выигрывает домашний матч со счётом 71:69 и сохраняет шансы на выход в финальную часть уни-

верситетского чемпионата, — сказала Ася. — Мы постараемся вернуться к вам с комментариями игроков.

Егор нажал кнопку окончания трансляции и закрыл лицо ладонями.

— Нормально? — спросила Ася.

— Мы потеряли шесть минут.

— Две минуты и двадцать секунд.

— По ощущениям шесть лет.

Она поставила телефон на стол. Пальцы дрожали, поэтому пришлось взять его двумя руками. По правому плечу прошёл знакомый короткий укол. Ничего серьёзного: она слишком высоко держала камеру. Врач ещё прошлой осенью разрешил обычную нагрузку, и всё же тело разговаривало с ней на языке, который она не всегда хотела понимать.

К столу подошёл Сомов. Он был в тёмно-синем пиджаке с университетским значком и выглядел так, будто не потел даже в зале, где отопление включили с запасом. Ася заметила, что он убрал телефон в карман экраном наружу.

— Трансляция сорвалась, — сказал он.

— На две минуты двадцать секунд, — ответила она. — Основной сигнал пропал. Мы включили резервный.

— Мне известно, что произошло.

— Тогда вы знаете и остальное: мы вернули картинку до решающего броска.

Егор тихо поднял со стола провод и начал его сматывать. Ася надеялась, что он не слышит, хотя в таком маленьком

помещении услышали бы даже люди в соседнем городе.

— Вы мне обещали, что справитесь, — сказал Сомов.

— Я обещала провести эфир. Мы его провели не идеально. Причину сбоя выясним и исправим. У нас есть запись с камеры, выложим пропущенный эпизод.

Ей хотелось добавить, что она всего лишь подменяла студентку, заболевшую утром, и не отвечала за возраст аппаратуры. Это было бы правдой. Но Егор уже третий раз за матч прижимал ладонью один и тот же разъём; Ася видела, что провод ненадёжен, и не проверила запасной заранее.

— Я должна была проверить резерв до начала, — сказала она. — Это моя ошибка.

Сомов посмотрел на неё внимательнее.

— И что вы будете делать дальше?

— Выложу фрагмент, предупрежу зрителей и к следующему матчу проверю соединение. Если вы дадите мне доступ к оборудованию.

— Следующий матч через пять дней.

— Да.

— А ваше расписание на факультете?

— Плотное. Но свободные часы я найду.

Он чуть приподнял бровь.

— Я ещё не предложил вам работу.

— А я ещё не сказала, что соглашусь на любую оплату.

Егор уронил провод. Вернее, сделал вид, что уронил, и наклонился, пряча улыбку.

Сомов несколько секунд молчал. Затем достал из кармана карточку и положил на стол.

— Завтра в десять. Обсудим ставку, обязанности и то, почему у нас нет резервного провода.

Он ушёл прежде, чем Ася успела спросить, считать ли это приглашением. Егор выпрямился.

— Поздравляю. Он выдаёт карточку только тем, кому намерен платить, или тем, с кого собирается взыскать ущерб.

— А как отличить?

— На обратной стороне вторым дают личный номер юриста.

Ася перевернула карточку. Там был только адрес университета. Ей полегчало ровно на полминуты — до тех пор, пока она не вспомнила, что Сомов ждёт комментариев игроков.

Она взяла микрофон с коротким проводом. Егор снял камеру со штатива и осторожно проверил разъём. Внизу трибуны уже редели, хотя группа студентов всё ещё пела про «Маяк» песню, в которой название команды рифмовалось со словом «никак» и звучало от этого неожиданно бодро.

— Пойдём? — спросил Егор.

— Пойдём. Только не будем брать интервью у тех, кто не хочет говорить.

— Это у тебя правило или просьба?

— Пока правило. Если будут увольнять, превращу в просьбу.

Они нашли Тимура возле скамейки. Он рассказывал ко-

му-то по телефону о решающем броске и одновременно пытался снять мокрый наколенник. Услышав Асю, завершил разговор и охотно подошёл к камере.

— Я бы сказал, что всё рассчитал, — заявил он после вопроса о последней атаке, — но Лев посмотрит запись. Поэтому правда: кольцо помогло. Передача была хорошая, а бросок мог быть лучше.

— Почему Горин не пошёл под кольцо сам? — спросила Ася.

— Потому что он умеет видеть свободного человека.

— А если бы вы промахнулись?

— Тогда мой ответ был бы длиннее. Пришлось бы объяснять.

Они засмеялись. Тимур ответил ещё на два вопроса — о следующем матче и защите в последней четверти, — после чего к нему подошёл высокий парень с полотенцем на плечах и положил ладонь ему на затылок.

— Автобус ждёт, звезда, — сказал он.

Это был Горин, уже без той сосредоточенной жёсткости, с которой он минуту назад вёл мяч через половину площадки. Волосы у него намокли и темнели у висков, а на щеке белела полоска от пластыря. Он заметил микрофон и убрал руку с Тимура.

— Одно слово капитана? — спросила Ася.

— Он уже сказал всё важное.

— Тогда одно ваше.

— Спасибо.

— Кому?

— Тимуру. Он попал.

— Вы заметили в защите соперника свободный угол до заслона или после?

Лев посмотрел на неё. До этого его взгляд скользнул по микрофону, камере, значку университетской медиаслужбы. Теперь задержался на её лице.

— До, — ответил он. — Их второй защитник дважды уходил помогать против прохода.

— Вы специально показали проход, чтобы он сместился?

— Да.

— Спасибо. Этого достаточно.

— Обычно после «достаточно» задают ещё пять вопросов.

— Обычно после «одно слово» капитан не говорит о защите.

Тимур прыснул. Лев посмотрел на него, и тот невинно развёл руками.

— Можете не использовать кусок про меня, — сказал Горин.

— Почему?

— Я не разрешал.

— Вы ответили на вопрос в камеру после того, как я спросила об интервью.

— И теперь жалею.

— Тогда я покажу вам цитату перед публикацией. Если

вы не хотите видео, оставлю только её. Но ответ на вопрос про защиту важен для понимания игры.

Он чуть нахмурился, словно предложенный вариант его не устраивал именно потому, что в нём было трудно найти подвох.

— Покажете до публикации?

— Да.

— Хорошо.

Он продиктовал номер. Ася записала его в заметки, не называя вслух. Лев уже собирался уйти, когда Егор окликнул его:

— Капитан, у тебя шнурок.

Тот посмотрел вниз. Левый кроссовок действительно развязался. Он поставил ногу на нижнюю перекладину скамейки, наклонился и на долю секунды остановился, прежде чем затянуть узел. Когда выпрямился, его улыбка, обращённая к Тимуру, вернулась слишком быстро.

Ася отвернулась. Она не знала, что происходит с его коленом, и не собиралась делать выводы по одному движению. Но узнала в нём то особенное усилие, с которым спортсмен пытается незаметно помочь собственному телу.

— Ты не спросила о ноге, — сказал Егор, когда игроки ушли.

— У меня нет вопроса, на который я имела бы право получить ответ.

— А что ты видела?

— Человека, который развязал шнурок.

Егор прищурился.

— Он сам развязался.

— Тем более. Не будем обвинять капитана без доказательств.

У выхода из зала они с Егором обнаружили очередь у закрытой двери. Несколько студентов стояли с шарфами в руках, рядом ребёнок в слишком большой куртке держал бумажный стаканчик с попкорном. Охранник объяснял им, что игроки выйдут через служебный проход и ждать здесь бессмысленно.

— А если мы просто хотим сказать спасибо? — спросила девушка с синим шарфом.

— Скажите на следующем матче. Сейчас им нужно переодеться и уехать.

Девушка отступила, но мальчик с попкорном остался на месте. Он смотрел на табло над дверью: на нём всё ещё горел итоговый счёт. Похоже, он не ожидал, что игра закончится, а цифры останутся.

— Это они отключают позже? — спросил он у Аси, заметив её жилет медиаслужбы.

— Обычно да. Чтобы все успели увидеть результат.

— А если кто-то пришёл только сейчас?

— Тогда хотя бы узнает счёт.

— И расстроится, что не видел.

— Может быть. Но у нас будет запись.

Мальчик нахмурился.

— А тот кусок, который пропал, тоже будет?

Ася поняла, что он видел сбой с телефона или слышал о нём от взрослых. Ей хотелось рассказать про резервную камеру, про провода и про то, что техникой занимался не один человек. Вместо этого она сказала:

— Мы записали игру второй камерой. Выложим пропущенный кусок, как только проверим файл.

— До завтра?

— Постараемся сегодня. Но я сначала должна убедиться, что запись целая.

Мальчик кивнул, словно оценил разницу между обещанием и намерением. Из толпы подошёл мужчина с маленьким складным зонтом.

— Ты опять убежал от нас, — сказал он. — Я думал, ты у буфета.

— Я спросил про запись.

Мужчина поблагодарил Асю и назвал мальчика Пашей. Выяснилось, что они пришли на игру впервые: Паша начал заниматься баскетболом в районной школе, а отец хотел показать ему настоящий матч. Часть второй четверти они смотрели в коридоре на телефоне, пока отец искал потерянную перчатку. В этот момент трансляция и зависла.

— Мы вернулись к последней атаке, — сказал отец. — Хорошо, что не пропустили бросок.

— Я уже сказал, что мяч войдёт, — сообщил Паша.

— Ты сказал это три раза. После двух других бросков.

— Но один же вошёл.

Егор улыбнулся.

— Я так же объясняю монтаж. Если три раза попробовать, одна версия обычно работает.

Ася записала на клочке бумаги адрес страницы медиаслужбы и предупредила, что фрагмент выложат отдельным постом. Паша сложил бумажку вчетверо и убрал в карман куртки. Потом протянул ей стаканчик.

— Хотите попкорн?

— А тебе хватит?

— Я уже съел половину. Папа сказал, что ужин дома будет.

Ася взяла одно зёрнышко. Она не любила карамельный попкорн, но не хотела превращать предложение в сложный взрослый разговор о еде. Мужчина поблагодарил ещё раз, и они ушли к остановке, споря, почему игроки не бросали издали каждый раз, если за это дают три очка.

— А ты бы как объяснила? — спросил Егор, когда дверь закрылась.

— Что дальний бросок сложнее, а защитники редко дают его спокойно выполнить. Но сначала предложила бы Паше самому попробовать с разного расстояния.

— Звучит как выпуск для тех, кто только пришёл в зал.

— Для начала это звучит как один вопрос ребёнка.

— Справедливо. А потом может стать выпуском.

Они вернулись к столу с оборудованием. Сомов оставил на нём записку: «Фрагмент нужен до двадцати двух. Партнёры спрашивают ссылку». Рядом лежал потерянный Егором переходник. Вернее, переходник, который Егор весь вечер считал потерянным.

— Он прятался под блокнотом, — сказал Егор. — Я не подозревал, что техника у нас способна к маскировке.

— Тебе надо с ней чаще разговаривать.

— Тогда она попросит зарплату.

Они вставили карту памяти в ноутбук. Егор открыл папку и замолчал. На экране было три файла: начало матча, фрагмент из коридора и последние двадцать семь секунд, снятые уже с телефона. Нужной середины среди них не было.

Ася почувствовала, как пересохло во рту.

— Это всё?

— Подожди. Камера могла разбить запись на части. Они не всегда оказываются в одной папке.

Он подключил вторую карту. Времени до десяти оставалось сорок минут. Ася достала блокнот и написала на новой странице: «Проверить, что именно потеряли. Не обещать восстановление до проверки». Рядом записала время начала и конца сбоя.

— Ты записываешь для отчёта? — спросил Егор.

— Для себя. Когда я нервничаю, забываю даже очевидное.

— Я нервничаю и начинаю говорить. Вместе у нас есть шанс составить инструкцию.

На второй карте файлы нашлись, но один не открывался. Егор попробовал воспроизвести его в другой программе. Появилось сообщение об ошибке. Он не нажал кнопку повторно, хотя Ася видела, как ему этого хочется.

— Я не буду ничего чинить на исходнике. Сделаю копию.

— Хорошо. А я могу проверить запись с официальной камеры соперника?

— Это домашний матч. Другой официальной камеры нет. Но кто-то мог снять с трибуны.

— Для восстановления эфира мы не можем просто взять чужое видео.

— Не можем. Но можем попросить, если наш файл совсем не поднимется.

Ася открыла комментарии под постом. Несколько зрителей уже прислали видео последней минуты. Одно было снято вертикально, с места за кольцом; на другом кадр загораживал шарф. Она написала авторам одинаковые сообщения: объяснила проблему, попросила разрешения посмотреть исходные записи и отдельно уточнила, где именно они могли бы использовать видео. Отправила без обещания публикации.

На ответ ушло четыре минуты. Хозяйка одного видео согласилась передать файл, но попросила не показывать крупным планом сына, который кричал рядом с ней. Ася поблагодарила и уточнила, можно ли будет обрезать звук или оставить только дальний план площадки. Женщина ответила, что

согласна, если ей сначала покажут готовый фрагмент.

— У нас появился запасной вариант, — сказала Ася.

— А у меня, кажется, основной.

Егор открыл копию повреждённого файла. Первые секунды шли рывками, потом картинка выровнялась. На площадке игроки возвращались в защиту, над ними горел счёт 65:67. Слышался скрип подошв, затем голос комментатора соседнего сектора и короткий стук по микрофону.

— Это оно? — спросила Ася.

— Часть. Сейчас посмотрю конец.

Запись обрывалась за десять секунд до того, как Ася включила телефон. Эти десять секунд они не нашли нигде. На видео зрительницы игра была видна не целиком: камера поднялась на трибуну, когда мяч пересёк центральную линию, и вернулась вниз уже после свистка.

— Можно сделать короткую вставку с объяснением, что в десяти секундах произошло по протоколу, — предложила Ася. — Не будем изображать, будто сняли всё.

— На табло в конце нашей записи 68:69. В протоколе последним событием до этого указан штрафной. После — подбор и тайм-аут.

— Протокол нужно сверить со статистиком. Где он?

Егор посмотрел на часы.

— Обычно ещё в зале. Нина Владимировна забирает бланки и потом уходит.

Они нашли статистика у стола рядом с площадкой. Нина

Владимировна — небольшая женщина с седыми волосами и большим пеналом — аккуратно складывала листы в папку. Ася объяснила, что они восстанавливают пропущенный фрагмент, и попросила сверить порядок событий.

— Вы хотите, чтобы я подписала вашу версию? — спросила женщина.

— Нет. Хотим убедиться, что правильно читаем протокол. Потом отдельно проверим с вами формулировку, если вы согласны.

Нина Владимировна положила папку обратно на стол.

— Покажите, где именно у вас пропуск.

Они вместе посмотрели видео. Статистик нашла строку о двух штрафных гостей: первый был точным, второй неточным. Подбор взял игрок «Маяка», после чего Максимова попросила тайм-аут.

— Никаких бросков в эти секунды больше не было. Но я не могу подтвердить, кто первым коснулся мяча после отскока. На записи это может быть видно лучше, чем отсюда.

— Тогда мы напишем просто «подбор остался за „Маяком“», — сказала Ася.

— Так правильно. И не называйте мои цифры окончательными, пока протокол не подпишет судейская бригада. Она ещё проверяет один фол во второй четверти.

Ася записала и поблагодарила. Нина Владимировна закрыла пенал, но не ушла.

— Вы новенькая?

— Сегодня подменяла сотрудницу. Возможно, останусь работать.

— Тогда совет. У цифр тоже есть авторы. Если не понимаете, откуда число, сначала спросите, кто его записал и по каким правилам. Это избавляет от множества красивых ошибок.

— Я запомню.

— Лучше запишите. Запоминать под конец игры труднее.

Ася послушалась и добавила фразу в блокнот. Нина Владимировна одобрительно кивнула и наконец ушла, унося папку под мышкой.

В редакции Егор склеил восстановленный кусок с телефонной записью. Между ними они вставили тёмный экран с пояснением: «Десять секунд отсутствуют в записи. По предварительному протоколу гости реализовали один из двух штрафных; после подбора „Маяк“ взял тайм-аут». Ася дважды проверила слова и добавила, что окончательный протокол ещё не утверждён.

— Если он изменится, обновим подпись, — сказала она.

— И не будем скрывать, что обновили.

Она показала готовый ролик автору зрительского видео, хотя тот не вошёл в итоговую версию. Женщина ответила: «Спасибо. Рада, что нашли запись. Видео удалите, пожалуйста».

Ася удалила присланный файл из рабочей папки и попросила Егора проверить корзину. У него сохранилась копия в

загрузках; он удалил и её. Это заняло двадцать секунд. Ася подумала, что забота о доверии не всегда требует длинной речи. Иногда надо просто выполнить просьбу, которую легко проигнорировать.

Ролик опубликовали без музыки. Заголовок был сухим: «Фрагмент матча, пропущенный во время трансляции». В описании Ася извинилась за технический сбой и объяснила, какие десять секунд восстановить не удалось. Через пять минут появились комментарии. Одни благодарили за запись, другие спрашивали, почему нельзя было всё проверить заранее. На последний вопрос было трудно возразить.

— Ответим? — спросил Егор.

— Да. Скажем, что проверим резервное подключение перед следующей игрой и заменим неисправный кабель.

— А если нам не дадут денег на кабель?

— Тогда найдём другой способ обеспечить резерв. Но писать про замену до заявки, пожалуй, рано.

Они изменили ответ: «Проверим резервное подключение и устраним причину сбоя до следующей трансляции». Это было обязательство, которое они контролировали не полностью, но могли начать выполнять уже завтра.

В десять без трёх Сомов прислал: «Вижу. Спасибо». Ася посмотрела на время и неожиданно почувствовала, что страшнее всего было не получить замечание руководителя. Страшнее — написать зрителям то, что они хотели услышать, не выяснив, можно ли это выполнить.

— У нас почти получилось, — сказал Егор, выключая ноутбук.

— Мы не восстановили десять секунд.

— Да. И сказали об этом. Я бы назвал это рабочим результатом.

Они убрали провода в коробку. Ася сложила повреждённый кабель отдельно и прикрепила к нему бумажку «Не использовать». Егор предложил нарисовать череп, но она ограничилась датой.

— Люди быстрее запоминают череп.

— Люди быстрее понимают дату.

— Тогда нарисуем череп с датой.

На листке появился удивлённо выглядящий круг с двумя точками. Ася не была уверена, что его можно назвать черепом, но не стала спорить.

У служебного входа ждала Максимова. Она говорила с дежурным администратором и держала в руке папку с протоколом. Увидев Асю, подошла ближе.

— Нина сказала, вы спрашивали о конце игры.

— Да. У нас десять секунд не записались. Мы указали события по предварительному протоколу.

— Правильно. Окончательный подпишут завтра утром. Если там что-то изменится, я сообщу.

— Спасибо.

Тренер посмотрела на коробку с проводами.

— Я слышала, у вас случилась авария.

— Сбой. Звучит менее героически.

— Это хорошо. Героизм часто означает, что кто-то не подготовился заранее.

Ася засмеялась. Максимова кивнула на её блокнот.

— Ты понимаешь баскетбол?

— Достаточно, чтобы знать, чего не понимаю.

— Тогда можешь объяснить, почему мы отдали гостям так много подборов в третьей четверти?

Вопрос застал её врасплох. Она вспомнила два эпизода, но не хотела выдавать впечатление за полный разбор.

— Мне показалось, ваши защитники рано уходили помогать против прохода. После этого не всегда успевали найти своего игрока под бросок. Но я видела не все ракурсы и не знаю, что вы договаривались делать.

— Неплохо. Мы хотели помогать, потому что их разыгрывающий обыгрывал один в один. Но после помощи третий игрок должен был закрывать свободного. Не всегда успел. А иногда успел, но соперник быстрее занял позицию.

— Вы завтра будете разбирать это с командой?

— Разберём после восстановительного дня. Победа не отменяет ошибок.

Она сказала это не сурово. Скорее как человек, который знает: цифры на табло важны, но после сирены не могут сделать хорошим всё, что произошло до неё.

— А что вы считаете самым важным в последней атаке? — спросила Ася.

— Что Лев увидел свободного Тимура и Тимур не испугался бросить. Мы готовили комбинацию вместе, но в конце игроки всё равно принимают решение сами.

— Он сказал мне почти то же.

— Значит, мы сегодня разговариваем на одном языке.

Администратор позвал тренера к двери. Максимова поблагодарила их за работу и ушла. Ася стояла у выхода, пока Егор проверял, выключен ли свет в редакции. В пустеющем зале табло наконец погасло. Счёт исчез, но на паркете остались полосы от кроссовок, на скамейке — забытая бутылка, а у стола статистика лежал обрывок бумажного скотча.

Она подняла бутылку и отнесла администратору. Тот поставил её в ящик с найденными вещами. Там уже лежали две детские варежки разного размера, тренировочный свисток и чёрный шарф.

— Этот каждый второй матч кто-нибудь оставляет, — сказал он про шарф. — У нас их целая семья.

Ася подумала, что хотела бы однажды рассказать и об этих людях: статистике, администраторе, девушке у двери, Паше с попкорном. Но не сегодня. Сегодня им предстояло закрыть зал, а ей — доехать домой и решить, готова ли она вернуться сюда завтра уже на собеседование.

По дороге домой Ася отправила Горину короткую расшифровку его ответа. Потом смыла с лица усталость, оставила телефон на кухне и достала из шкафа старую спортивную сумку. Ей нужно было найти там справку об окончании

колледжа: Сомов наверняка попросит документы.

Сумка пахла хлором, хотя она давно постирала её и почти два года не ходила в бассейн. На дне лежали тёмные очки для плавания, блокнот тренировок и жёлтая ленточка от аккредитации. Ася вынула справку, а остальное оставила на месте.

Телефон коротко зазвонил.

«Цитата точная. Публикуйте. Л. Горин».

Ни приветствия, ни благодарности, только разрешение. Ася улыбнулась и почти сразу перестала: за сообщением пришло второе.

«Не называйте это комбинацией, которую я придумал один. Её готовили всей командой».

Она открыла черновик и заменила строку «Капитан разыграл решающую атаку» на «Команда выполнила подготовленную комбинацию». Потом написала:

«Исправила. Спасибо».

Ответа не последовало. Ася убрала телефон и наконец закрыла спортивную сумку. Завтра предстояло выяснить, действительно ли у неё будет работа. Но впервые за долгое время от мысли о завтрашнем разговоре о спорте ей не захотелось притвориться, что она занята чем-то другим.

Ася выключила настольную лампу, но сон не пришёл. За стеной соседи спорили о том, кому завтра вынести мусор; один предлагал жребий, другой настаивал, что в прошлый раз уже проиграл жребий дважды. Телефон лежал экраном вниз, и она пообещала себе не проверять его до утра. Про-

держалась семь минут.

В студенческом чате обсуждали матч. Кто-то делился фотографиями с трибун, кто-то спорил, был ли последним броском Тимура заранее подготовленный розыгрыш или чистая импровизация. Ася знала ответ из разговора с капитаном, но не хотела появляться с ним в чате раньше публикации. Вместо этого она отправила ссылку на восстановленный фрагмент тем, кто пропустил часть трансляции.

Ей тут же написала Катя:

«Ты опять работаешь после полуночи?»

«Я делюсь общественно полезной ссылкой».

«Вчера ты так же назвала поиск старой папки с конспектами».

Ася посмотрела на часы: до полуночи оставалось пятнадцать минут. Она отправила Кате фотографию часов и подпись: «Фактическая ошибка».

Через секунду телефон зазвонил. Катя не любила длинные переписки, если могла за это время рассказать всю историю голосом.

— Я смотрела концовку у соседки, — сказала она вместо приветствия. — У нас дома интернет ушёл вместе с половиной подъезда.

— Соседка вернулась?

— Соседка да. Интернет пока переживает личный кризис. Ты правда была в эфире? Я услышала голос и решила, что случайно включила твоё сообщение.

— Правда. Нас подвела техника.

— Зато ты не сказала «какой невероятный матч» десять раз подряд.

— Было желание.

— Я бы разрешила тебе два раза. За третий взяла бы плату.

Ася устроилась на кровати, подложив под спину подушку. В руке у неё оказался блокнот, забытый после разборки сумки. Он открылся на странице с заметкой статистика: «Сначала спросить, кто записал число и по каким правилам».

— Ты как? — спросила Катя уже серьёзнее. — Не после эфира. После зала.

— Устала. Кажется, довольна. И чуть-чуть злюсь на себя, что не проверила резерв.

— Это лечится сном и проверкой резерва в следующий раз.

— Ты так уверена, что будет следующий?

— Ты только что отправила ссылку в четыре чата. Человек, который не хочет следующего раза, обычно не пишет «поделитесь, пожалуйста» четырём группам.

Ася посмотрела на свой телефон. Катя была права. Ася попросила однокурсников распространить запись: не ради собственных просмотров, а потому что в комментариях слишком много людей спрашивали, чем закончился матч. Но она также радовалась тому, что её голос вошёл в эту запись. Не как голос бывшей чемпионки и не как голос чело-

века, которого просили рассказать о восстановлении, а как голос, объясняющий игру.

— Сомов позвал завтра, — сказала она. — Обсудить работу.

— Я знала.

— Откуда?

— В твоём сообщении «общественно полезная ссылка» было на три процента больше энтузиазма, чем обычно.

Ася рассказала о возможной ставке, о карте памяти и о том, что руководитель команды умеет делать паузы, в которых человек успевает передумать три раза. Катя спросила, какие условия она хочет заранее обсудить. Ася начала перечислять: график, зарплата, кто принимает решение о публикации, можно ли не использовать кадры, на которых человек явно не готов к съёмке.

— И ещё, — сказала она, — я хочу узнать, как у них устроена работа после поражений.

— В смысле?

— После победы у всех хорошее лицо, на фоне можно ставить музыку. А когда команда проиграет, кто-то всё равно должен сказать, что произошло. Я не хочу писать так, будто игроки обязаны оправдываться за каждый промах.

— Но болельщики имеют право злиться.

— Конечно. Имеют. Я тоже злилась после плохой гонки. Иногда на себя, иногда на тренера, иногда на человека, который проходил мимо и не так поставил стул. Это не делает

любую злость точным анализом.

За стеной спор о мусоре закончился. Кто-то открыл дверь, затем закрыл её тише, чем обычно. В квартире стало слышно, как в батарее движется вода.

— Ты помнишь наш первый курс? — спросила Катя. — Когда тебе дали задание написать о школьном турнире и ты вернулась с четырьмя страницами заметок про девочку, которая держала секундомер?

— Она была единственной, кто знал расписание. Без неё весь турнир стоял бы у стенки.

— А преподаватель написал: «Где результат финала?»

— Я добавила его в последний абзац.

— И он сказал, что это не спортивный репортаж.

— Он сказал: «Если в репортаже нельзя понять, кто выиграл, вы рассказываете другую историю». И был прав. Я так увлеклась девочкой, что забыла ответить на главный вопрос читателя.

— Ты всё равно сохранила её историю.

— Да. В следующей версии. Просто поставила результат раньше.

Катя помолчала.

— Мне кажется, ты уже знаешь, как хочешь работать. Вопрос, дадут ли тебе такую возможность.

— Вот это завтра и выясним.

Они попрощались. Катя попросила прислать сообщение после встречи, а Ася обещала сделать это, даже если разго-

вор закончится фразой «спасибо, мы вам перезвоним». Она положила телефон и ещё раз выключила лампу.

На этот раз сон пришёл быстро, но во сне она снова стояла у бассейна. На дорожках не было воды, только натянутые шнуры разметки. Лев Горин сидел на стартовой тумбе и пытался завязать кроссовок, пока Ирина Максимова держала в руках секундомер. Ася пыталась объяснить им, что баскетбольный матч здесь провести невозможно, но никто не слушал. Наконец Тимур открыл дверь и внёс ведро воды.

— По одному ведру, — сказал он, — и справимся.

Она проснулась до звонка будильника и некоторое время смотрела в потолок. В квартире было тихо. На кухне за окном гудела машина, которая каждое утро развозила хлеб по магазинам. Ася улыбнулась, представив, как Тимур пытается заполнить бассейн ведром, и только потом вспомнила о предстоящем разговоре.

Она встала, открыла окно и сделала упражнения для плеча. Врач показал их много месяцев назад; Ася не всегда выполняла их так часто, как обещала. Сегодня не хотелось начинать день с доказательства собственной силы. Она просто медленно подняла руку до удобной высоты, опустила, повторила. Движение было не таким широким, как раньше, зато предсказуемым.

На кухне она сварила кашу. Пока вода закипала, пришло сообщение от Егора:

«Кабель, кажется, сломан у самого разъёма. Я сфотогра-

фировал, чтобы показать Сомову. И ещё: Нина Владимировна прислала уточнённый протокол. Последовательность событий у нас верная».

«Отлично. Я обновлю подпись».

«Уже. Указал время обновления».

«Ты не обязан был заниматься этим до работы».

«Я и не занимался. Я проснулся, увидел сообщение и нажал четыре кнопки. Не отнимай у меня право считать себя ленивым».

Ася добавила ложку варенья в кашу и села к столу. Она почти всегда завтракала с телефоном, но сегодня убрала его. За окном женщина выгуливала маленькую собаку в дождевике. Собака не хотела идти по луже, а женщина терпеливо ждала. Через минуту пёс нашёл обход — узкую полоску сухого асфальта у стены — и очень серьёзно прошёл по ней.

Ася подумала, что сама тоже пытается найти сухую полоску. Ей не хотелось снова делать вид, будто всё возможно по-прежнему, и не хотелось заранее отказываться от любого дела, где понадобится говорить о спорте. Возможно, между этими крайностями действительно есть дорога. Не прямая, не обязательно удобная, но достаточно широкая для одного человека.

После завтрака она открыла документ с вопросами к Сомову. Пунктов получилось девять. Несколько касались зарплаты и графика, один — работы на выездах, ещё один — того, кто оплатит восстановление техники, если она слома-

ется во время эфира. Последним шёл вопрос про цитаты и материалы, которые игроки не хотели бы отдавать в рекламное использование.

Она перечитала список и вычеркнула два повторяющихся пункта. Затем написала на полях: «Не отвечать за них заранее». Если Сомов скажет «нет», у неё будет решение. Если согласится — другое. До встречи она могла только подготовиться.

Перед выходом позвонил отец. Он редко звонил утром и потому всегда начинал с объяснения, что ничего не случилось.

— Я просто видел запись, — сказал он. — Ты хорошо объяснила последнюю передачу.

— Спасибо.

— Я сначала думал, что Горин сам пойдёт к кольцу.

— Защитники тоже так думали.

— Вот и я говорю: очень убедительно показал.

Ася услышала, как он перелистывает что-то на столе. Возможно, газету, возможно, документы из магазина.

— Я посмотрел комментарии, — продолжил он. — Там один человек пишет, что ты говоришь слишком спокойно для последней секунды.

— Один человек имеет право так думать.

— А мне понравилось. Когда все кричат, кто-то должен объяснять, куда смотреть.

Она хотела поблагодарить снова, но он добавил:

— Ты не обязана становиться голосом всей команды. Если работа не понравится, это не будет провалом.

Ася прислонилась к дверному косяку. Отец говорил редко и обычно по делу. После операции он пытался развеселить её сообщениями с фотографиями странных книжных обложек, но никогда не спрашивал прямо, собирается ли она вернуться в бассейн. Иногда ей не хватало этого вопроса: казалось, он избегает темы. Позже она поняла, что он ждёт, пока она сама выберет момент.

— Спасибо, — сказала она. — Я ещё даже не знаю, предложат ли мне работу.

— Тогда желаю тебе хорошего разговора. Это уже можно пожелать точно.

Они попрощались. Ася проверила документы, положила ручку и блокнот в сумку. На дне нашлась вчерашняя карточка Сомова. Она ещё раз перевернула её: адрес университета, номер кабинета, никаких секретных указаний.

В автобусе оказалось людно. Ася села у окна и увидела в отражении пожилого мужчину, который пытался понять электронное табло остановок. Она подсказала ему, где выходить. Взамен он поинтересовался, не она ли комментировала вчерашний матч.

— Почему вы решили, что это я?

— Вы сейчас сказали «следующая остановка» точно тем же голосом, что и «следующая атака».

— Я стараюсь поддерживать единую манеру даже в обще-

ственном транспорте.

Он рассмеялся и рассказал, что смотрел игру с внучкой. Девочка болела за гостей, потому что ей нравился цвет их формы, а он — за «Маяк», потому что когда-то учился в этом университете. В конце они договорились считать победу ничьей: внучка радовалась красивому броску соперника, а дед — итоговому счёту.

— Вы давно ходили в зал? — спросила Ася.

— Последний раз до ремонта. Теперь собираюсь снова. Если внучка согласится пережить поражение любимого цвета.

— Возможно, к следующему матчу она выберет другой.

— Главное, чтобы меня не заставила перекрашивать шарф.

Он вышел на своей остановке. Ася осталась у окна и достала блокнот. Ей хотелось записать его историю, но она не спросила имени и не объяснила, что работает в медиа. Поэтому сделала только общую заметку: «Есть зрители, которые приходят с детьми, выбирающими команду по цвету. Не предполагать, что всем нужна одинаковая степень подробности».

Возле университета она проверила время: до встречи оставалось двадцать минут. Достаточно, чтобы не бежать и не приходить слишком рано. Она прошла мимо спортивного корпуса. На крыльце кто-то подметал воду к водостоку; вчерашний плакат о матче уже сняли, но полоска скотча ещё

держалась на стекле.

Ася остановилась у афиши расписания. Следующая домашняя игра стояла в календаре через полторы недели. Рядом был объявлен бесплатный мастер-класс для школьников перед матчем. Она записала время: не для того, чтобы сразу предложить работу над новым материалом, а потому, что хотела понять, кто придёт в зал и чем для него начнётся знакомство с командой.

Глава 2. условия

Кабинет Сомова находился на третьем этаже нового корпуса, где стеклянные стены и светлое дерево должны были напоминать студентам о будущем. О том, что будущее стоит денег, напоминали фамилии спонсоров на табличке у лифта.

Ася пришла на восемь минут раньше. Секретарь предложила ей чай, но она отказалась: волновалась достаточно и без горячей чашки в руках. Через стеклянную перегородку было видно, как Сомов разговаривает по телефону. Он стоял спиной к двери и указывал кому-то на открытый ноутбук, словно собеседник мог видеть жест.

— Если мы потеряем площадку, это будет не спортивная программа, а кружок по переписке, — сказал он, когда дверь приоткрылась. — Мне нужен зал на весь сезон. Нет, я не могу обещать вам финал.

Секретарь тихо закрыла дверь. Через минуту Сомов вышел, извинился за задержку и пригласил Асю внутрь.

В кабинете пахло свежей бумагой и кофе. На стене висела фотография команды пятилетней давности: молодые игроки держали кубок, но никто не смотрел в объектив. Все смотрели на человека слева, который пытался поднять кубок над головой и явно не рассчитывал его вес.

— Это Ирина Максимова в первом сезоне, — сказал Сомов, заметив её взгляд. — Тогда её назначили на три месяца.

Сейчас команда без неё не представляет даже разминку.

Он указал на стул, а сам сел напротив.

— Мы обсуждаем должность помощника медиаслужбы на полставки. Матчи, тренировки по согласованию с тренером, новости команды и большой материал к финальной части сезона. Временный договор до конца чемпионата.

— Что значит «большой материал»?

— Серия публикаций. Нам нужно показать людям команду. Домашний матч вчера был почти полон, но половина пришла по бесплатным приглашениям. Спонсор хочет видеть, что университетская команда интересна городу, а не только родственникам игроков.

— Спонсор утверждает материалы?

— Согласовывает упоминание своего бренда.

— А содержание?

— Это зависит от содержания.

Ася достала блокнот. Ей давно говорили, что в её поколении все пишут в телефон, и она так же давно объясняла, что блокнот не разряжается в разгар важного разговора.

— Если я рассказываю о травме, конфликте или неудачной игре, кто решает, публиковать это или нет?

— Я как руководитель программы.

— И спортсмен, если речь о его здоровье.

Сомов сложил руки на столе.

— Вы очень конкретны.

— На вчерашнем матче я видела, как легко вывести че-

ловека в эфир раньше, чем он успел понять, согласен ли. Я хочу заранее знать правила.

— Информацию о здоровье без согласия игрока публиковать нельзя. Что касается критики игры, мы не газета противника. Но я не требую писать, что команда победила, если она проиграла.

— А если тренер считает, что игрок сыграл плохо?

— Вы можете спросить тренера. И игрока тоже.

— Если он откажется?

— Укажете, что он отказался.

— Я бы сначала указала, что мы попросили комментарий и не получили его. Человек может не успеть ответить.

Сомов улыбнулся так, будто впервые за утро услышал нечто неожиданное.

— Вы ещё не приняты, а уже спорите о редакционных формулировках.

— Поэтому и спрашиваю до подписания.

Он назвал сумму оплаты. Она оказалась не роскошной, но больше той, которую Ася получала за смены в книжном магазине. Он перечислил часы и условия. Ей предстояло работать с Егором, присутствовать на двух тренировках в неделю, вести короткие репортажи с матчей и подготовить серию материалов о сезоне.

— Сериал про команду? — уточнила Ася.

— Без постановочных ссор, если вы об этом. Нам нужен честный интересный рассказ.

— Честный интересный рассказ иногда бывает неудобным.

— Верю. Я каждый месяц читаю отчёт о расходах.

Она записала сумму, часы и вопрос, который до сих пор не задала.

— Почему я?

— Вы восстановили эфир и не стали искать виноватого, хотя виноватых было достаточно. Максимова сказала, что вы разбираетесь в игре. Егор говорит, что с вами можно работать. А ещё вчерашний фрагмент после сбоя посмотрели больше людей, чем всю предыдущую запись.

— Потому что там победный бросок.

— Да. Но заодно они услышали, как вы его объяснили.

Ася отвела взгляд к фотографии на стене. Ей хотелось сказать «согласна» сразу. Платная работа в спортивной редакции была той возможностью, за которой она пришла на факультет. Но за последние годы она выучила цену поспешных ответов.

— Мне нужен сегодняшний день, чтобы сверить расписание и прочитать договор.

— Договор можно забрать. Ответ до вечера пятницы.

— Сегодня среда.

— У вас будет больше одного дня.

За дверью она обнаружила, что всё ещё сжимает ручку. Пальцы болели. Ася спрятала её в сумку, спустилась по лестнице вместо лифта и только на улице позволила себе достать

телефон.

«Есть вариант работы в „Маяке“. Настоящая редакция, почти настоящие деньги», — написала она подруге Кате.

Катя ответила через минуту:

«Они знают, как ты выглядишь, когда говоришь о защите зоной? Если нет, напиши им заранее. Это вопрос честности».

Ася набрала: «Я не настолько…» — и стёрла. Вчера на домашнем матче она действительно размахивала рукой, объясняя Егору, почему гости не перестраиваются после заслона. Егор тогда отодвинул стакан с чаем подальше от её локтя.

По дороге на лекцию она свернула к спортивному корпусу. Договор можно было прочитать дома, расписание она знала наизусть. Ей хотелось увидеть место, где придётся проводить столько времени.

У служебного входа двое мужчин катили тележку с бутылками воды. Ася придержала дверь. Из зала доносились короткие свистки и глухие удары мяча. Она остановилась на пороге.

Тренировка шла без зрителей. На паркете были расставлены фишки; игроки по очереди проходили упражнение: ускорение, остановка в двух шагах, передача партнёру, разворот. Ирина Максимова стояла у боковой линии с блокнотом. Увидев Асю, подняла руку, показывая, что заметила, но упражнение не прервала.

Когда очередь дошла до Горина, он выполнил движение

быстрее остальных. Не красивее, подумала Ася, а экономнее. Он не делал лишних шагов и уже до получения мяча знал, куда повернёт голову. На третьем повторе остановился чуть осторожнее. Никто, кроме Аси, этого, возможно, и не заметил.

— Ты вчера спасла нам конец матча, — сказала Максимова, подходя к ней. — Спасибо.

— Егор спас. Я держала телефон.

— И называла то, что видела. Он сказал, что у тебя глаз спортсменки.

Ася усмехнулась.

— Это не медицинское заключение?

— Пока нет. Сомов предложил работу?

— Предложил. Я читаю договор.

— Хорошо. Если согласишься, у меня есть правило: на тренировке вы снимаете с тех мест, которые мы обозначим заранее. В раздевалку не входите. Разговор о здоровье только с согласия спортсмена. Если он говорит нет, значит нет.

— Я согласна с этим.

— А я не согласна, когда нас снимают только после победы. Проигрыш — тоже часть работы. Но лицо человека, которому сейчас нужно уйти и побыть одному, крупным планом не показывают. Сможешь объяснить это своему начальнику?

— Постараюсь.

— Хороший ответ. «Смогу» мне обещают слишком часто.

В зале кто-то уронил мяч на ногу и очень выразительно выдохнул. Максимова обернулась и показала игрокам два пальца.

— Перерыв две минуты. Воду берите из новых бутылок, старые стояли у батареи.

Горин подошёл к бровке последним. Его движения снова стали обычными. Он увидел Асю и спросил:

— Вы пришли узнать, как дела у моего шнурка?

— Он держится?

— Лучше, чем провод вчера.

— Мы договорились его заменить.

— Шнурок или провод?

— Смотря что сломается первым.

Он взял бутылку, но не открыл. Вблизи Ася заметила, что под глазами у него залегли тени. Вчерашняя победа не всегда означала хороший сон, это она помнила без напоминаний.

— Сомов сказал, что вы хотите сериал о команде, — произнёс Лев.

— Серию материалов. Формат ещё не решила.

— Хорошо бы не делать из нас чью-то картинку.

— Чью именно?

— Ту, где мы улыбаемся в камеру и рассказываем, что университет изменил нашу жизнь.

— Он изменил вашу?

— Да. Но не только хорошим.

— Вот это уже больше похоже на ответ для материала.

— Я пока ничего не разрешал.

— А я пока не спрашивала разрешения.

Он наконец открутил крышку. Несколько секунд они стояли молча. На другом конце площадки Тимур пытался убедить новичка, что у того на спине висит невидимая наклейка. Новичок крутился, пытаясь её достать, а остальные старались не смеяться слишком громко.

— Они так принимают новых игроков? — спросила Ася.

— Тимур так принимает всех, кто ещё не знаком с его шутками.

— Вы предупредите парня?

— После тренировки.

— Жестоко.

— У него сегодня первый удачный заслон против меня. Пусть почувствует последствия.

В этот момент новичок перехватил взгляд Аси и настороженно оглянулся. Она пожала плечами. Тимур замахал ей, прося не выдавать тайну.

— Договор прочитайте внимательно, — сказал Лев. — И пункт про согласование публикаций тоже.

— Вы знакомы с договором?

— С предыдущим. Три месяца назад в материале о нашей команде написали, что Илья мечтает играть профессионально. Он этого не говорил. Журналист решил, что двадцатилетний человек в университетской команде обязан мечтать именно так.

— А о чём он мечтал?

— Закончить учёбу, помогать дома и не отвечать за чужие фантазии.

— Его слова исправили?

— Через неделю. Когда текст уже увидели его преподаватели, тренер районной команды и отец.

Ася закрыла блокнот, хотя ничего в него не записывала.

— Если мы будем работать вместе, я буду показывать вам точные цитаты. Но не обещаю отдавать на утверждение весь материал. Иначе это будет реклама, а не журналистика.

— Вы думаете, я не вижу разницы?

— Думаю, вы видите. Поэтому предупреждаю сразу.

Максимова свистнула. Лев поставил бутылку на скамью.

— И ещё, — сказал он. — Я знаю, кто вы.

— Студентка, которая плохо проверила резервный провод?

— Волкова. Плавание. Городской чемпионат три года назад.

Она почувствовала, как знакомо напряглось плечо.

— У вас хорошая память.

— Моя младшая сестра плавала с вашей командой. Она болела за вас на том старте.

— Спасибо ей.

— Она теперь играет в волейбол.

— Надеюсь, у неё хороший тренер.

Лев кивнул и вернулся на площадку. Ася осталась у сте-

ны, наблюдая, как он объясняет новичку расположение при защите. Он говорил спокойно и показывал ладонями расстояние между игроками. На секунду ей захотелось спросить о сестре, о том соревновании, о самом Льве. Вместо этого она отошла от двери: тренировка продолжалась, а она ещё не была частью команды.

После тренировки Ася не успела к началу лекции. Она забежала в аудиторию, когда преподаватель уже вывел на экран заголовок: «Лидер команды играл через боль».

— Вы опоздали на шесть минут, Волкова, — сказал он.

— Простите. Я смотрела тренировку.

— Надеюсь, не снимали чужую боль без согласия.

— Даже свою не снимала.

Несколько человек засмеялись. Преподаватель указал ей на свободное место рядом с Катей. Та пододвинула тетрадь и шепнула:

— Он нарочно выбрал ужасный пример. Через десять минут мы будем придумывать ещё ужаснее.

Преподавателя звали Роман Павлович. Он вёл курс спортивного репортажа, раньше работал в городской газете и обычно разговаривал так, будто каждое слово ему приходится помещать в ограниченное число колонок. Сегодня он попросил студентов разбиться на пары и переделать приведённый заголовок, не потеряв интерес читателя и не выдавая предположение за факт.

— Контекст такой, — сказал он. — Игрок упал, провёл

несколько минут на скамейке, затем вернулся на площадку. Официальной информации о состоянии нет. Человек после игры общаться отказался. Какие данные у вас имеются?

— Он упал и вернулся, — ответила Катя.

— И проиграл матч, — добавил кто-то с заднего ряда.

— Это известно из протокола. А известно ли вам, что он играл через боль?

— Нет.

— А что он лидер?

— Он капитан.

— Капитанство — должность внутри команды. Лидерство можно описывать, если у вас есть основания. Продолжайте.

Ася заметила, как Катя посмотрела на неё: ситуация слишком напоминала вчерашний матч, хотя исходный пример был взят из другого сезона. Она наклонилась к подруге.

— Даже когда всё обезличено, мне хочется перепроверить видео, — прошептала она.

— Ты всё ещё ищешь тот момент, когда он отставил ногу?

Ася удивлённо посмотрела на неё.

— Я тебе не говорила.

— Ты перематывала этот кусок три раза, когда мы созванивались. Я видела экран в отражении очков.

— Мне не нравится, что ты настолько наблюдательная.

— Зато тебе нравится, что я приношу еду.

Они написали несколько вариантов. Первый — «Капитан вернулся после падения» — был точным, но не объяснял,

зачем читателю открывать текст. Второй — «Последние минуты стали испытанием» — ничего не сообщал. Третий — «Команда удержала преимущество в концовке» — описывал игру, но не ситуацию с капитаном.

— А если не делать его падение главным событием? — спросила Катя.

— Мы можем рассказать, что команда сделала за время его отсутствия.

Они составили заголовок «Без капитана на площадке команда удержала счёт». Роман Павлович посмотрел на него и спросил:

— Вы проверили, что именно тогда команда удерживала счёт?

— Нет, у нас в задании этой цифры нет.

— Значит, у вас хороший следующий вопрос, но пока не заголовок. Назовите, что вы знаете точно.

Ася подняла руку.

— Мы знаем, что игрок вернулся после перерыва. Но не знаем, что происходило во время перерыва. Может быть, история не готова к публикации, пока мы не посмотрели протокол и запись.

— Да. Вы можете не торопиться с обещанием, которое не способны подтвердить.

На задней парте кто-то возразил:

— Но если мы не выпустим материал сразу, его выпустят другие.

— Вероятно, — ответил преподаватель. — Конкурент может оказаться быстрее. Он также может оказаться неправ. Вам решать, какую цену вы считаете приемлемой. Я не говорю, что скорость не важна. Я говорю, что она не исправляет отсутствие фактов.

После занятия Роман Павлович попросил Асю задержаться. Ей показалось, что сейчас он напомнит об опоздании или спросит про плечо, как это иногда делали преподаватели, считавшие своё беспокойство достаточным поводом для подробного разговора.

— Мне позвонили из редакции «Маяка», — сказал он. — Они спросили, могу ли я рекомендовать вас на временную работу.

— И что вы сказали?

— Что вы задаёте хорошие вопросы и иногда слишком долго готовитесь задать первый.

— Это рекомендация?

— На мой взгляд, да. Вторую часть можно исправить, первую — сложнее приобрести.

Он снял очки и положил их на стол.

— Мне также сказали, что у вас возникли вопросы к договору. Я не знаю подробностей и не прошу их рассказывать. Если нужна консультация по учебной практике, обратитесь в юридический отдел факультета.

— Я просто хочу понимать, кто может менять текст после моего согласия.

— Это не «просто». Многие выясняют только тогда, когда текст уже изменён.

Ася поблагодарила. За дверью её ждала Катя, прислонившись к подоконнику. Она листала ленту в телефоне, но, увидев Асю, сразу убрала его.

— Ты выглядишь так, будто тебе предложили работу и одновременно велели написать диссертацию о договоре.

— Примерно. Я ещё не решила.

— Из-за Сомова?

— Из-за всего. Я давно хотела работать в спортивной журналистике, но не уверена, что хочу снова жить по спортивному расписанию.

— Это не обязательно будет то же расписание.

— Матчи по выходным, тренировки, анализ записи, люди, которые говорят «ещё один рывок — и потом отдохнёшь». Знакомые слова.

Катя не стала убеждать её, что новая работа безопасна. Они дружили со второго курса, когда Ася ещё отвечала на вопросы о травме коротким «всё нормально», и Катя знала: спор с этим ответом обычно только закрывал разговор.

— Какие у тебя условия? — спросила она.

— Полставки. Смена на матчах, две тренировки в неделю. Ещё учёба и магазин.

— Сколько дней без работы?

— Пока не знаю.

— Это нужно узнать до того, как ты согласишься.

— Ты сейчас звучишь как моя мама.

— Неправда. Твоя мама добавила бы вопрос про обед.

— Она уже добавила.

Они спустились в столовую, где в это время было не протолкнуться. Студенты стояли в очереди с подносами, а у дальнего стола двое спорили, кому достанется последний кусок пирога. Катя нашла свободное место, Ася купила суп и чай. Блюдо было не самое удачное — картошка в супе успела развариться, — но после тренировки и лекции она съела всё.

— Вот видишь, — сказала Катя. — Первое обещание выполнено.

— Я говорила маме про два обещания?

— Нет, но твоя мама написала моей маме. Наши семьи создали закрытый клуб наблюдения за тобой.

— Им нужны новые увлечения.

— Ты могла бы предложить баскетбол. Вдруг начнут спорить о защите и перестанут спрашивать, поела ли ты.

Ася достала календарь. Они вместе отметили лекции, смены в магазине и возможные часы в «Маяке». Оставались пробелы по вторникам после обеда и по воскресеньям, но воскресенья часто занимали матчи.

— Один вечер без работы, — сказала Катя. — Начни с этого.

— Ты говоришь так, будто свободное время можно гарантировать подписью.

— Нет. Но его можно заранее защитить в расписании. Ес-

ли появится срочное дело, решишь отдельно. А если ничего не защитишь, каждый час будет считаться свободным для чужой задачи.

Она попросила телефон и поставила в среду после семи напоминание: «Ничего не обещать». Ася попыталась удалить его, но Катя перехватила телефон.

— Это редакторская правка. Без согласования автора.

— Мы только что обсуждали договоры.

— У меня нет должности редактора. Я действую незаконно и очень эффективно.

Они рассмеялись. Потом Катя спросила:

— Ты говорила, что капитан узнал тебя по плаванию. Это сильно выбило?

— Не так, как я ожидала. Он сказал о сестре, которая болела за меня, а не спросил, когда я вернусь. Не предложил секретного врача и не рассказал историю двоюродного брата, который всё преодолел.

— Невероятно. Человек не сделал того, чего делать не следовало.

— Для начала неплохо.

— Красивый?

— Катя.

— Я задаю вопрос, на который можно не отвечать.

— Он высокий.

— Это не ответ.

— Зато проверяемый факт.

Катя вздохнула.

— Роман Павлович тебя испортил.

Они убрали подносы. Ася собиралась идти к остановке, когда её догнала однокурсница Женя и попросила помочь с заданием для городского сайта. Их группа готовила материал о том, как студенты проводят время после пар. Жене дали спортивный корпус, но её собеседник из студенческого совета отменил встречу, и до сдачи оставалось два часа.

— Мне нужен хотя бы один человек, который расскажет, зачем ему спорт после учёбы, — сказала Женя. — Ты всё равно туда ходила.

— Я туда ходила по работе, которой у меня ещё нет.

— Тем лучше. Можно про тебя?

Ася уже собиралась отказаться. После плавания она привыкла, что в любом разговоре её прежние результаты становятся главным и затмевают настоящее. Но Женя была из тех, кто отправляет собеседнику свои цитаты до публикации и не скрывает, где выйдет текст.

— Можно, если это будет про работу и учёбу, а не про мою травму.

— Хорошо. Я могу записать на телефон?

— Да. И покажи мне прямые цитаты перед сдачей.

Они сели на скамейку у корпуса. Женя задала первый вопрос, и Ася неожиданно замялась. Говорить о том, почему другим интересен спорт, было проще, чем объяснять собственное возвращение к нему в другой роли.

— Я люблю момент, когда начинает быть видно, что люди задумали вместе, — сказала она после паузы. — В баскетболе это может быть передача в свободное место. В плавании — эстафета, где каждый отвечает за свой отрезок и при этом зависит от остальных. Мне хочется понимать, как это получается.

— То есть ты ищешь победы?

— Не обязательно. Бывают точные действия в проигранном матче и очень неубедительные — в выигранном. Счёт важен, но не объясняет всё.

— А почему тебе важно это рассказывать?

Ася посмотрела на студентов, выходивших из корпуса. Один нёс раскрытую папку над головой, защищаясь от мелкого дождя. Двое других шли без зонтов и спорили о презентации. За их спинами у спортивного входа разгружали бутылки воды.

— Потому что после моей последней гонки все видели только победу. А я тогда не знала, что делать с болью. Я не хочу сказать, что кто-то обязан был заметить. Просто одна и та же запись может значить разное для тех, кто её смотрит, и для того, кто в ней живёт.

Женя сразу опустила телефон.

— Это я не использую. Ты же просила не про травму.

— Спасибо. Я сама ушла туда. Можешь задать вопрос ещё раз?

— Почему тебе важно рассказывать о спорте?

— Потому что в нём много труда, который не помещается в счёт. Мне интересно рассказывать о людях, пока они решают, что делать дальше, а не только когда уже известен результат.

Женя остановила запись.

— Это хорошо. Я пришлю тебе текст через час.

— И не называй меня бывшей чемпионкой в заголовке.

— А если «студентка и человек с мнением о баскетболе»?

— Слишком широко. У нас половина факультета подходит.

Они попрощались. Ася дошла до остановки и встала под навесом. Рядом мужчина пытался удержать сложенную коляску, пока его дочь в ярком комбинезоне сосредоточенно застёгивала перчатку. Перчатка никак не слушалась. Ася хотела помочь, но девочка сказала отцу: «Я сама», — и он убрал руки. Только когда она попросила подержать рукав, он сделал это.

Автобус пришёл через семь минут. В салоне оказалось тепло, окна запотели. Ася села у двери и достала договор. На третьей странице были перечислены обязанности медиаслужбы, на четвёртой — порядок использования материалов. Она подчеркнула карандашом два пункта, а на полях написала: «Кто даёт согласие? Можно ли отозвать? Где будет опубликовано?»

На следующей остановке зашёл Лев. Она заметила его не сразу: сначала увидела высокую спортивную сумку, затем ру-

ку на поручне и только потом лицо. Он тоже узнал её и слегка кивнул, но не стал пробираться через салон. Между ними стояли люди с пакетами и школьники с рюкзаками, и Ася была благодарна за эту небольшую дистанцию.

Лев держался за поручень правой рукой. В левой был картонный пакет с логотипом булочной. Он проверил телефон, убрал его и посмотрел на маршрутную схему над дверью. Через остановку освободилось место рядом с Асей, но он остался стоять. Это ничего не значило: он мог выходить раньше, мог не захотеть садиться, мог просто не заметить. Ася закрыла договор и напомнила себе, что наблюдательность не даёт права превращать любую деталь в вывод.

На третьей остановке Лев вышел. До закрытия дверей он повернулся и увидел, что Ася всё ещё держит папку.

— Внимательно читай мелкий шрифт, — сказал он.

— Я уже нашла несколько вопросов.

— Хорошо.

Водитель закрыл двери. Она не успела ответить, а он не пытался задержать автобус. Через стекло было видно, как он поднял пакет над головой, защищаясь от дождя, и пошёл к пешеходному переходу. Картон размокнет, подумала Ася. В следующую секунду она поймала себя на том, что придумывает продолжение за человека, о котором пока знает совсем немного.

Дома она застала мать за разбором коробки с книгами. Из магазина привезли повреждённые экземпляры: у нескольких

помялись углы, один промок при разгрузке. Мать откладывала книги по стопкам — на возврат поставщику, на уценку и для библиотечного обмена.

— Помочь? — спросила Ася.

— Если не спешишь.

Они устроились за столом. Работа была простой: открыть книгу, проверить, все ли страницы целы, и положить в нужную стопку. Иногда находились экземпляры с едва заметной вмятиной. Мать предлагала уценить их, Ася спорила, что покупатель может и не обратить внимания. Потом они всё равно ставили небольшую скидку.

— Ты так же проверяешь свои тексты? — спросила мать.

— Надеюсь, внимательнее. Книга, в отличие от меня, не будет всю ночь думать об одной неправильной запятой.

— Одна неправильная запятая иногда меняет смысл.

— Ты на стороне Романа Павловича?

— Я на стороне человека, который не хочет возвращать товар из-за недочёта.

Ася показала ей договор. Мать не была юристом, но хорошо понимала цены, поставки и обязательства; она нашла пункт о дополнительной работе вне графика и попросила уточнить, как её оплачивают. Вместе они записали вопросы на отдельном листе.

— Ты рада? — спросила мать, когда они закончили.

— Да. И боюсь, что радость закончится, если я начну слишком много работать.

— Тогда не надо решать сегодня, какой будет вся твоя жизнь. Узнай, можно ли начать с этих условий. А если они не подходят, обсуди другие.

— Ты говоришь об этом так спокойно.

— Я волнуюсь. Но не хочу, чтобы моё волнение управляло твоим решением.

Ася увидела тонкий порез на её пальце. Бумага оставила красную линию у ногтя. Мать заметила взгляд и перевернула руку ладонью вверх.

— Не страшно. Уже промыла.

Они обе рассмеялись: слишком знакомо прозвучало это «не страшно». В каждой семье были свои способы сказать «я справлюсь» и свои способы усомниться.

Вечером Женя прислала готовый фрагмент. В нём Ася говорила о командной работе и спорте за пределами счёта. Заголовок выглядел аккуратно: «Почему студенты не уходят из спорта после занятий». Ася попросила уточнить, что предложение о работе она пока только рассматривает, и исправила одну цитату: вместо «в победе есть ложь» она сказала «счёт не объясняет всё». Женя согласилась.

— Спасибо, что проверила, — написала она. — Я сначала сделала фразу острее. Теперь вижу, что это меняет смысл.

— Спасибо, что исправила.

Ася убрала телефон. Мысль о будущей работе не стала менее страшной, но появилась конкретика: вопросы к договору, защищённый вечер, оплата, люди, с которыми можно об-

суждать трудные решения. Она сложила листок в папку, чтобы не забыть его в день встречи с Сомовым.

Вечером Ася прочитала договор дважды. Под пунктом о согласовании материалов она поставила вопросительный знак и написала Сомову: «Прошу уточнить, относится ли это к полному тексту или только к проверке фактов и цитат». Он ответил через сорок минут: «Обсудим в пятницу». Это был не окончательный ответ, но и не отказ.

Она открыла календарь, передвинула две смены в магазине и позвонила матери.

— Я могу уйти с работы раньше в субботу? — спросила она.

— Ты и так уходишь. Я закрываю магазин.

— Не в магазине. С работы, которую, возможно, получу.

— Ты уже получила?

— Пока нет. Просто пытаюсь понять, как всё совместить.

Мать помолчала. Ася слышала, как на кухне у неё звякнула ложка о стакан.

— Ты опять будешь в спортивном зале?

— Да.

— С плечом всё в порядке?

— Я не собираюсь плавать на скорость. Буду писать о баскетболе.

— Я спросила не это.

Ася посмотрела на спортивную сумку, которую так и не убрала с пола.

— Не знаю, — честно ответила она. — Я вчера держала камеру слишком высоко. Сегодня не болит.

— Тогда пообещай, что не будешь делать вид, будто боли нет.

— Хорошо.

— И обедай.

— Мама.

— Второе обещание проще выполнить.

Ася улыбнулась. У матери был дар произносить тревожные вещи так, будто речь всего лишь о расписании ужина. Раньше это раздражало; теперь Ася всё чаще слышала за вопросами не попытку управлять, а страх потерять её в очередной раз — не физически, а в той тишине, куда дочь ушла после операции.

— Обещаю, — сказала она.

После звонка она написала Сомову, что готова обсудить оставшийся пункт и принять работу, если они найдут решение. Затем открыла сообщение от Горина и перечитала его просьбу о цитате.

«Не называйте это комбинацией, которую я придумал один».

Команда, подумала Ася. Ему было важно это слово. Ей предстояло выяснить, что оно значит для остальных, и не дописать за них ответ.

Глава 3. право на вопрос

В пятницу Сомов принял её поправку к договору. Формулировка была не идеальной: вместо «согласование публикаций» в документе осталось «предварительное ознакомление с фактическими сведениями, цитатами и использованием изображения». Юрист объяснил, что организатору важно знать, когда команда появляется в материалах. Ася попросила добавить, что замечания по фактам не означают права менять оценку игры. Сомов сперва предложил обсудить это после сезона, потом увидел, что она уже убирает ручку в сумку, и позвал юриста обратно.

— Вы всегда так делаете? — спросил он, когда подписи были поставлены.

— Читаю договоры?

— Заставляете людей жалеть, что они сами научили вас читать.

— Только по пятницам.

Подписанный экземпляр договора Сомов аккуратно положил перед ней. Ася проверила фамилию, даты, размер ставки и ещё раз посмотрела на поправку о публикациях. Чернила на последней странице блестели.

— Когда я могу начинать? — спросила она.

— Хотите прямо сейчас?

Он говорил без нажима. Через стеклянную дверь было

видно, как секретарь принимает у кого-то папку и показывает на свободный стул. Ася почувствовала знакомое желание ответить как можно быстрее. Кажется, если скажешь «сейчас», докажешь, что заслуживаешь работу.

— Сегодня могу начать после двух, — сказала она. — До этого мне нужно договориться о сменах в магазине и забрать с факультета справку для бухгалтерии.

— Подходит. Егор будет в редакции. Я предупрежу его.

— А раньше двух вы рассчитывали, что я уже буду здесь?

— Я рассчитывал спросить. Ответ вы дали.

Они пожали руки. В коридоре девушка с папкой уступила Асе дорогу, а секретарь вручила ей лист с номером отдела кадров и адресом редакции. У двери было написано «Медиаслужба», хотя буква «ж» слегка отклеилась и держалась только верхним краем.

Ася сфотографировала табличку и отправила Кате: «Сегодня после двух начинаю».

Ответ пришёл через секунду: «Сотрудница уже заметила брак оборудования. Когда ремонт?»

«Сначала выясню, разрешено ли фотографировать табличку».

Она спустилась к остановке и позвонила матери в магазин. В это время обычно привозили новые книги. Сначала трубку не брали; потом раздался звон колокольчика над дверью и мамин голос:

— Я на разгрузке. Что случилось?

— Ничего. Я подписала договор. Сомов предложил начать сегодня после двух.

— Поздравляю!

На заднем плане отец спросил, кого поздравляют. Мать ответила, и он громко пожелал Асе не забыть, что в выходные в магазине ожидают поставку.

— Я как раз хотела поговорить о сменах, — сказала Ася.

— Давай после обеда. Сейчас у нас на полу коробки и покупатель, который ждёт словарь.

Ася положила трубку. Она не обиделась: магазин жил своей жизнью, и её новости не могли остановить разгрузку. Но сомнение всё-таки появилось. Она знала, как родителям сложно закрывать смены вдвоём, когда кто-то болеет или поставщик приезжает раньше. Если уйти из магазина резко, этот вес останется на них.

На факультете справку пришлось ждать дольше обещанных пяти минут. В приёмной перед ней сидели трое студентов: один принёс заявление на практику, другая ждала подписи для стипендиальной комиссии, третий не мог вспомнить, в какой кабинет ему направили документы. Секретарь отвечала спокойно и медленно, проверяя фамилии по списку.

Ася поймала себя на том, что смотрит на часы. До двух было ещё много времени. Никто не заставлял её торопить очередь, но она уже действовала так, словно её рабочий день начался и каждую минуту необходимо кому-то оправдать.

Девушка рядом уронила пачку листов. Ася помогла собрать их и заметила, что страницы не пронумерованы.

— Могу придержать, пока ты разложишь.

— Спасибо. Я их дважды уронила по дороге и один раз уже собрала неправильно.

Они вместе нашли первый лист, затем второй. Девушку звали Света; она училась на экономическом факультете и оформляла документы для индивидуального графика.

— У меня соревнования совпадают с зачётами, — объяснила она. — Преподаватель разрешил пересдать, но в учебной части просят подтверждение. Тренер подписал, врач подписал, теперь не хватает печати.

— Тяжёлая неделя?

— Пять лет так. Просто обычно я забываю, что трудно, когда всё получается.

Света играла в волейбол. На сборах получила ссадину и теперь носила на запястье пластырь с нарисованным цветком. Рисунок сделал младший брат, чтобы отличить её руку от всех остальных, когда она махнёт в камеру.

— Он смотрит матчи? — спросила Ася.

— Иногда. В основном ищет, у кого обувь ярче. Но вчера прислал сообщение, что я хорошо подаю. Значит, хотя бы один розыгрыш посмотрел.

Ася хотела спросить о команде и фотографиях, но одёрнула себя: Света пришла за печатью, а не на интервью. Можно было просто поговорить без будущего материала.

— У тебя сегодня тренировка?

— Вечером. Если бумаги отпустят.

— Они выглядят решительно, но нас двое.

Света засмеялась. Когда её пригласили к окну, она попросила Асю придержать сумку. За три минуты получила печать, проверила все подписи и с облегчением выдохнула.

— У меня после тренировки будет сорок минут до автобуса. Я обычно использую их, чтобы переживать о том, что ничего не успеваю.

— Можешь использовать десять на еду, — сказала Ася.

— Ты мой тренер?

— Нет. У меня просто есть опыт невыполнения этого совета.

— Тогда буду знать, что он от эксперта.

Они распрощались. Справка Аси оказалась готова, и она поехала в книжный магазин. Мать уже распаковала часть коробок, отец выставлял на полки новые детективы. В магазине пахло картоном и кофе: рядом с кассой стоял маленький термос, который спасал родителей в дни поставок.

— Наш спортивный журналист пришёл работать или хвастаться? — спросил отец.

— Обсуждать график. Но могу и похвастаться, если освободите стол.

Мать вытерла руки и принесла лист с расписанием. Сейчас Ася выходила три раза в неделю, иногда брала субботнюю смену. С новой работой сохранить все часы не получа-

лось.

— Я не хочу просто исчезнуть, — сказала она. — Давайте решим, какие дни вам сложнее всего закрыть.

Отец указал на пятницу после поставки и субботнее утро. Мать возразила: в пятницу может прийти помощница, которая раньше работала на складе, но нужно заранее позвонить. Субботу они могли разделить вдвоём, если Ася будет приходить раз в две недели.

— А в воскресенье у тебя игры? — спросила мать.

— Не каждое. Иногда выезды, но не всегда я с ними еду. Точный график получу сегодня.

— Тогда не обещай воскресенье, пока не узнаешь. Мы сами распределим остальное.

Отец достал калькулятор и посчитал, сколько часов потребуется помощнице. Сумма оказалась заметной. Он не стал прятать это от Аси, но и не положил перед ней как счёт.

— Магазин должен выдерживать работу без одного человека, — сказал он. — Иначе это не график, а ловушка.

— Я могу до конца месяца взять две пятницы.

— Если они не пересекаются с новой работой. Но сначала выясни. Мы не строим план на том, что ты в двух местах одновременно.

Мать позвонила помощнице прямо из-за кассы. Та согласилась взять одну дополнительную смену и попросила время до вечера, чтобы ответить по второй. Ася записала в календарь, когда нужно уточнить. У решения не было красивого

финала, зато у каждого появилась следующая задача.

Пока родители расставляли коробки, она помогла проверить накладную. В одной позиции не хватало двух экземпляров. Отец хотел сначала отложить вопрос до вечера, но Ася показала, что поставщик ещё может быть на маршруте.

— Если позвонить сейчас, они сверят коробки в машине.

— А если ошиблись мы?

— Тогда извинимся. Но узнаем сегодня.

Отец позвонил. Выяснилось, что одна коробка осталась на складе, а недостающие книги привезут в понедельник. Он записал имя сотрудника и номер накладной.

— Вижу, ты уже готова проверять факты, — сказал он.

— Я просто не хочу искать две книги в пятнадцати коробках, если их здесь нет.

— Тоже важный мотив журналистики.

Когда Ася вышла из магазина, до двух оставалось сорок минут. Она могла сразу поехать в университет, но увидела через дорогу школьную площадку. На ней трое ребят бросали мяч в кольцо. Один постоянно спорил, чей последний бросок считать: мяч касался кольца, падал внутрь, потом выскакивал через незакреплённую сетку.

— Он попал, — сказала Ася, остановившись у ограды.

Все трое повернулись к ней.

— Не попал, — заявил самый высокий. — Он сразу вылетел.

— Он прошёл через кольцо, а потом вышел сбоку. По-

смотрите на сетку.

Сетка действительно оторвалась с одного края. Ребята подошли к щиту и задрали головы.

— Мы её вчера привязали, — сказал мальчик с мячом.

— Значит, завязали слабо, — ответил другой.

Третий предложил принести верёвку. Ася посмотрела на часы. У неё не было стремянки, и попытка дотянуться до кольца могла закончиться плохо и для неё, и для сетки. Она спросила, есть ли рядом взрослый, отвечающий за площадку.

— У нас сторож в школе. Только он сейчас обедает.

— Тогда сначала дождитесь его. Мяч успеете побросать и без сетки, если договоритесь, как считать попадание.

— Мы и так договорились, — сказал высокий.

— Не договорились, — возразили двое других.

В итоге они приняли временное правило: если мяч проходит через кольцо сверху вниз, попадание считается, даже если сетка не удерживает. Самый высокий согласился с условием, что в спорном эпизоде решение принимают двое из трёх.

Ася пожелала им удачи и пошла к остановке. Через несколько шагов мальчик с мячом догнал её.

— Вы смотрели вчера «Маяк»?

— Смотрела.

— Он не попал бы, если бы защитник не ушёл в другую сторону.

— Ты про Тимура?

— Да. Я пытался дома понять, почему тот ушёл. Он же видел, что Тимур открыт.

— Он видел капитана с мячом и, возможно, ждал прохода. Но лучше посмотреть всю атаку с самого начала: до броска там было несколько решений.

— У вас есть видео?

Ася назвала адрес страницы. Мальчик достал телефон, записал, поблагодарил и вернулся к друзьям. Она не успела узнать его имя. Но вопрос остался с ней: не «кто виноват», а «почему человек выбрал именно это движение». Для материала о команде такой вопрос мог быть полезнее самого эффектного момента.

В редакцию она пришла за десять минут до двух. Егор сидел за столом и разбирал небольшой ящик с кабелями. На другом столе лежал лист с паролями доступа, закрытый сверху чистой бумагой.

— Я не смотрел, — сказал он, заметив её взгляд. — Просто прикрыл, чтобы никто случайно не увидел.

— Ты знаешь, что случайность с бумагой можно убрать в ящик?

— Теперь знаю.

Он положил лист в ящик, закрыл и протянул Асе запасной блокнот.

— Полина оставила тебе список. Тут есть всё: от контактов администраторов до предупреждения о моём столе.

— Почему именно мне?

— Потому что Сомов позвонил и сказал, что сегодня придёт человек, который сначала спросит о договоре, потом о кабелях, потом о том, кто подвинул её кружку.

— Он описал меня заочно?

— Не совсем. Последнее добавил я. У меня есть опыт с новыми сотрудниками.

Ася осмотрелась. У окна стоял свободный стул, под столом лежала коробка с переходниками. Егор рассказал, где заряжаются камеры, как называются папки с материалами и что старый замок иногда закрывается не с первого раза. Она записала всё, кроме совета ударить по двери плечом: ей этот способ не подходил.

— Можно попросить показать другой способ? — спросила она.

Егор сразу достал связку ключей и продемонстрировал: если приподнять ручку, замок входил без усилия. Потом он сам попробовал ещё раз, убедившись, что дверь не требует удара.

— Полезно. Я год пользовался неправильным методом.

Они открыли рабочий календарь. На ближайшей неделе стояли две тренировки, выездной матч и сдача отчёта. Егор показал, какие события фиксированы, а какие можно перенести. Ася отметила свои занятия и сказала, что в среду вечером недоступна.

— Другая работа? — спросил он.

— Личное время.

— Хорошо.

Он не стал уточнять. В календаре появилась полоска «Недоступна». Ася посмотрела на неё и улыбнулась: свободный вечер впервые выглядел как настоящая запись, а не как пустое место, которое следует заполнить.

В два часа Сомов прислал письмо с подтверждением доступа к общим папкам. Егор показал, где лежит список оборудования. Первый рабочий день начинался не с громкого заявления, а с проверки того, чем они смогут воспользоваться на следующей трансляции.

На рабочем месте Аси у окна стоял стол, коробка с двумя переходниками и список задач, составленный предыдущей сотрудницей медиаотдела. Её звали Полина. Она заболела на несколько дней, собиралась вернуться на следующей неделе и оставила подробные заметки: где лежат фотографии, кто из игроков не отвечает на звонки, когда доступна тренер и почему нельзя ставить кружку на край стола Егора.

Последнее объяснялось не его чувствительностью к личному пространству. Край стола был чуть ниже середины, и любая чашка медленно двигалась к свободе.

— Я собираюсь рассказать об этом как о локальной особенности редакции, — предупредила Ася.

— Я собираюсь подложить картонку, — сказал Егор. — Но твой вариант лучше подходит для отчёта.

Первую половину дня они разбирали оборудование. Сбой

оказался следствием нескольких мелочей: повреждённый кабель, неудачно выставленная нагрузка на ноутбук и отсутствие проверенного резервного подключения. Они написали список необходимого, отнесли Сомову заявку и получили разрешение купить часть вещей в пределах бюджета, который пришлось пересчитать дважды.

— Не хватает на новую камеру, — сказала Ася.

— На новую не хватает с прошлого года.

— А на хороший штатив?

— Если брать его, не будет второго накопителя.

Они попросили преподавателя кафедры телепроизводства одолжить штатив на один месяц. Он согласился при условии, что студенты медиаслужбы помогут разобрать оборудование после открытого занятия. Ася внесла это в календарь: даже удачное решение имело цену.

Затем они пошли на тренировку. У входа Максимова выдала им два ярко-зелёных жилета и показала место за торцевой линией, откуда камера не мешала ни упражнению, ни запасным игрокам.

— Сегодня можно снимать общие планы. В первой части — разминка и работа ног. Во второй — комбинации без названий. Не выкладывайте рисунки с доски и не оставляйте включённый микрофон у скамейки.

— А разговор с вами после? — спросила Ася.

— Пятнадцать минут. Если закончим вовремя.

— Я бы хотела ещё спросить игроков, что они делают вне

матчей. Для первого выпуска — расписание недели.

— Спросите после тренировки. Отказы принимаем с первого раза.

На площадку вышла команда. Игроки по очереди делали упражнения с резиновыми лентами, затем бегали вдоль боковой линии, выполняя короткие ускорения. Со стороны разминка казалась незначительным прологом, который стоило вырезать ради зрелищного броска. Ася знала, сколько работы скрывается в этом повторении одних и тех же движений.

У их старой плавательной команды разминка начиналась с плеч. Тренер следил, чтобы руки двигались одинаково и никто не проскальзывал через упражнение на одной инерции. На последнем сезоне Ася часто приходила на пять минут раньше и делала всё сама, прежде чем другие заметят, насколько осторожно она поднимала правую руку.

Она заставила себя сосредоточиться на площадке. Горин объяснял новичку — тому самому Илье — что после остановки нельзя разворачиваться спиной к мячу. Илья повторил и перепутал ноги. Лев не выхватил мяч, не выкрикнул замечание. Он просто вернул упражнение к началу.

— Смотри сначала сюда. Потом открывайся. Не наоборот.

— Я смотрю, — сказал Илья.

— Ты смотришь туда, где мяч был секунду назад.

Тимур провёл мимо них и бросил:

— Это как мой бывший будильник. У него тоже были от-

ношения со вчерашним днём.

— Твой нынешний будильник не работает лучше, — ответил Лев.

— Потому что ты звонишь раньше него.

Новичок наконец перестал зажимать плечи. На следующем повторе он сделал всё правильно и получил короткое «да» от капитана. Ася отметила это в блокноте: не саму шутку, а то, как быстро она сменила настроение упражнения.

После тренировки Максимова отвела её к скамейке.

— В воскресенье играем на выезде с «Рубином». Они сильны под кольцом, зато дают свободные броски после быстрых переводов мяча. Наши ребята об этом знают; интервью с подробностями тактики пока не нужно.

— А о том, как устроена неделя перед выездом?

— Это можно.

— Почему университетская команда тренируется днём? У игроков же занятия.

— Мы ставим основные тренировки в окна между парами. Кто-то учится по индивидуальному графику, кто-то сдаёт задания заранее. Иногда утром у нас трое, вечером семеро, и я собираю тренировку как лоскутное одеяло.

— Какая от этого самая большая проблема?

— Усталость. Они приходят уже после занятий, а потом возвращаются к учёбе. Командная работа требует времени, которого ни у кого не лежит запасным пакетом в шкафу.

Ася записала ответ и спросила о заявке на ближайший

матч. Максимова назвала доступных игроков и добавила:

— Если вам нужна цифра или состав, сначала спрашивайте меня или администратора. Не надо добывать это у ребят в коридоре после душа.

— Мы не будем заходить в раздевалку.

— Я знаю. Но коридор тоже бывает единственным местом, где человек надеется не быть на работе.

Егор, стоявший рядом с камерой, коротко кивнул. Ася подумала, что именно эта фраза может стать началом выпуска, но не записала её как готовую цитату. Сначала нужно было спросить у тренера разрешения.

Капитан вышел из зала в тёмной толстовке. Он нёс две сумки: свою и Ильи, который запутался в застёжке куртки, пытаясь удержать телефон плечом.

— Отдам на парковке, — сказал Лев.

Илья поблагодарил и побежал к остановке. Тимур сделал вид, что собирается кричать ему вслед про невидимую наклейку, но Лев толкнул его локтем.

— Хватит.

— Он улыбался.

— Теперь знает, что вы смеётесь. Это уже другая шутка.

Тимур поднял ладони и пошёл к выходу. Ася хотела задать Горину вопросы о расписании, но сначала подошла к Илье: тот ещё стоял под козырьком, пытаясь справиться с молнией.

— Нужна помощь?

— Она всегда так делает, — сказал он о куртке. — Когда

я опаздываю, особенно.

Ася придержала ткань, и молния закрылась. Илья благодарно выдохнул. Она представилась и объяснила, что готовит выпуск о неделе команды.

— Можно будет спросить тебя об учёбе и тренировках? Завтра или после следующей игры.

— Можно. Только не про отца.

— Хорошо.

— Он раньше играл. Все спрашивают, собираюсь ли я стать таким же.

— Я не буду.

— Спасибо. А можно самому сказать, если я всё-таки захочу о нём рассказать?

— Конечно. Ты сам решаешь.

Илья ушёл, забрав сумку у Льва. Капитан дождался, пока автобус подъедет к остановке, и только тогда повернулся к Асе.

— Вы не спрашиваете про его отца?

— Он попросил не спрашивать.

— Хорошо.

— Вы звучите удивлённо.

— Я слышал разные обещания.

— И всё ещё слышите. Выполнение займёт больше времени.

Он опустил взгляд на телефон, где появился вызов. Имя на экране Ася увидеть не успела. Лев отошёл к окну, ответил

и сразу изменился в лице.

— Да, завтра. Я помню… Нет, приеду сам. Не надо ждать меня после смены.

Он закончил разговор и заметил, что Ася смотрит в другую сторону, хотя слышать его голос в узком коридоре было невозможно не услышать.

— Мама, — сказал он.

— Вам не нужно объяснять.

— Я знаю. Она хотела передать мне контейнер с едой. Я пытался убедить её, что умею готовить.

— Удалось?

— Я живу в общежитии. Там общая кухня и шесть человек, которые тоже считают себя умеющими готовить. Мама не без оснований сомневается.

Ася засмеялась. Лев посмотрел на неё чуть внимательнее, как будто услышал звук, который не ожидал найти в рабочем разговоре.

— У нас в доме сломался лифт, — сказала она, сама не зная, зачем продолжает. — Мама передаёт контейнеры на второй этаж через соседку, если ей лень идти пешком.

— Эффективная система.

— Соседка берёт плату пирожками.

— Тогда мама справится с любым спонсором.

Он произнёс это легко, но имя спонсора зацепилось за воздух. За окном на фасаде зала висел баннер компании «Вектор», предоставлявшей деньги на часть выездов и фор-

му. На баннере улыбались трое игроков, снятых в начале сезона. С краю был и Лев, с мячом под рукой и без той осторожности в движениях, которую Ася теперь заметила уже дважды.

— Я завтра не еду на выезд, — сказала она. — Буду собирать выпуск из ваших материалов и записи Егора. Можно я позже пришлю вопросы?

— Можно. Отвечу, если успею.

— И если захотите.

— Это тоже.

Он ушёл. Ася вернулась в редакцию и впервые села за свой новый стол как сотрудница, а не как человек на временной подмене. На экране открылась папка «Сезон». Внутри лежали десятки файлов с одинаковыми названиями: «Игра финал», «Игра финал новый», «Игра финал новый точно». Она создала отдельную папку «Исходники» и принялась наводить порядок.

Егор принёс на стол старую коробку с кассетами. В коробке лежали шесть аккумуляторов разного возраста, микрофон без ветрозащиты и бумажка с номером телефона, который принадлежал, судя по пометке, человеку по имени «Склад».

— У нас есть архив? — спросила Ася.

— У нас есть коробка. Архив начинается с момента, когда кто-нибудь понимает, что в ней лежит.

На каждой кассете рукой Полины был указан год и номер игры. Один футляр оказался пустым, другой содержал

запись университетской конференции по городскому транспорту. Ася положила его отдельно. На третьем фломастером написали «Маяк. Последний матч». Год не указан.

— Оптимистичное название, — сказала она.

— Или очень тревожное.

Егор вставил кассету в старую камеру, подключённую к ноутбуку. На экране появились трибуны старого зала: деревянные скамейки, полосатый занавес за кольцом, табло, цифры на котором приходилось менять вручную. Камера дрогнула, словно оператор споткнулся о собственные ноги. Потом в кадре появилась девушка лет двадцати с короткой стрижкой и мячом под мышкой.

— Ирина? — спросила Ася.

— Она. Это женская сборная университета, ещё до закрытия секции.

На площадке играли быстро и тесно. Одни имена Ася слышала от преподавателей, другие ничего ей не говорили. Егор перемотал запись на конец. Девушки собрались у кольца, обнялись и развернули к камере тетрадный лист: «Спасибо, что пришли».

— В зале человек тридцать, — заметила Ася.

— Зато все попали на запись.

— Почему секцию закрыли?

— Я знаю только официальную версию. Недостаток заявок и бюджета. Остальные версии нужно спрашивать у тех, кто там играл.

Ася ещё раз посмотрела на лист. Он был смят, одна буква проступила на обороте. Несмотря на это, улыбались в кадре так, будто благодарили полный зал.

— Кто-то из них остался в городе?

— Максимова точно. Есть ещё преподаватель с биофака, кажется, она вела статистику.

Ася записала фамилию и задумалась. Тема могла стать частью большого рассказа: команда существует не в пустоте, до неё были другие, после неё будут новые. Но легко было сделать историю о закрытой секции удобной декорацией для нынешнего успеха и не спросить людей, как они сами пережили её потерю.

— Сначала нужно понять, хотят ли они вообще об этом говорить, — сказала она.

— И кто разрешит использовать запись.

— Кассета ведь принадлежит университету?

— Кассета — да. Люди на ней университету не принадлежат.

Ася повернулась к нему. Егор редко говорил серьёзным тоном дольше одного предложения, но сейчас не улыбнулся.

— Один выпуск мы когда-то сняли в общежитии, — продолжил он. — Хороший, живой. А потом выяснилось, что парень не хотел показывать комнату: его младший брат увидел, как он живёт, и очень расстроился. Парень не думал, что видео уйдёт дальше студенческой страницы. Мы всё удалили, но копии остались. Он с нами больше не работал.

— Вы спрашивали его перед съёмкой?

— Спрашивали. Не объяснили достаточно ясно, где окажется выпуск и как его смогут пересылать. Так что я теперь объясняю дважды.

Ася закрыла футляр. Она вспомнила родителей на своей последней встрече после травмы. Тренер сказал: «Ася восстанавливается». Местный спортивный портал перепечатал: «Волкова скоро вернётся». Ася тогда ещё не знала, вернётся ли вообще. Один человек хотел поддержать, другой хотел хорошую новость; оба оставили ей чужой срок, внутри которого она не успевала жить.

— Я сначала поговорю с Ириной, — решила она. — Без камеры.

Егор отложил кассету к стопке, которую собирался оцифровать. Зазвонил его телефон. Он быстро прочитал сообщение и помрачнел.

— Есть проблема. Магазин подтвердил заявку не целиком. Два кабеля будут завтра, а переходник только через неделю.

— Мы успеем к следующему домашнему матчу?

— Если он правда придёт через неделю. Предыдущий заказ обещали доставить за три дня и привезли через девять.

Ася достала лист с бюджетом. После покупки кабелей оставалось достаточно на один переходник, но другой модели и в другом магазине он стоил заметно дороже. Егор предложил позаимствовать запасной у кафедры, где им уже со-

гласились выдать штатив.

— Только преподаватель попросит нас отработать ещё одно занятие, — добавил он. — Я не против, но у меня в четверг вечерняя смена.

— Я смогу отвезти и забрать.

— Ты живёшь в другой стороне.

— У меня проездной на месяц. Ещё одну поездку он переживёт.

Егор посмотрел на неё поверх экрана. Она поняла, что он хочет спросить про её плечо: переносить ящик с оборудованием правой рукой ей было неудобно, хотя она сама старалась этого не показывать. Он, однако, спросил другое:

— А две сумки унесёшь?

— Одну точно. Вторую можно поставить на тележку?

— Можно. На кафедре как раз есть.

Они составили короткое письмо преподавателю. Ася добавила, что тележку вернут вместе с оборудованием, и подумала, что не спрашивать о здоровье не означает делать вид, будто у людей нет разных возможностей. Иногда достаточно прямо обсудить задачу.

К пяти часам телефонные фотографии с тренировки загрузились в общую папку. Среди них оказался снимок Ильи на скамейке: он держал мяч двумя руками и смеялся, а Лев стоял рядом, отвернувшись от камеры. Ася сразу увидела, что кадр годится для первого выпуска. Он показывал то, о чём говорил Тимур: команду не только во время игры, но и

между упражнениями.

— Нам нужно согласие? — спросила она.

— На общие тренировочные кадры у нас есть разрешение команды. Но для крупного портрета всё равно покажем обоим.

Она отправила фотографию Илье и получила ответ через три минуты: «Мне нравится, но не публикуйте до понедельника. Мама ещё не знает, что я попал в заявку. Хочу сам сказать».

«Конечно», — написала Ася и добавила пометку на снимке. Ей понравилось, что парень считает попадание в заявку новостью для матери, а не для чужой аудитории. На секунду она представила его звонок домой и завидовала не самому разговору, а ясности, с которой он понимал, кому хочет сообщить первым.

Её телефон тоже завибрировал. Мать прислала фотографию вывески магазина: одна лампа в букве «К» погасла, и название теперь походило на бессмысленное слово. Под снимком было написано: «Папа предлагает не чинить, говорит, такой ребус привлечёт читателей».

Ася ответила: «Смотря каких».

«Тех, кто не боится потерянных букв».

Она собиралась убрать телефон, когда пришло новое сообщение: «У нас во дворе завтра детское соревнование. Организатор спрашивает, не сможешь ли провести награждение».

Ася перечитала фразу дважды. Детское соревнование означало бассейн. Во дворе у родителей не было бассейна; там было спортивное общество, которое ежегодно проводило заплывы для школьников в соседнем районе. Раньше её звали туда как призёра и просили вручать медали младшим участникам. Последний раз она отказалась, сославшись на экзамен. Экзамен действительно был, но утром, а награждение — вечером.

«Я завтра занята», — написала она и не отправила.

Егор открыл папку со звуком. По комнате раздались удары мяча и голос Максимовой: «Не спеши. Сначала посмотри». Ася удалила ответ и набрала другой:

«Скажи, пожалуйста, когда именно? Я посмотрю расписание».

Мать прислала время: четырнадцать тридцать. В субботу у Аси не было занятий и назначенных интервью. Она могла пойти. От этого решение становилось сложнее.

— Всё нормально? — спросил Егор.

— Да. Просто предлагают заняться благотворительностью в пользу моего прошлого.

— Это платно?

— Для меня — очень.

Он не стал уточнять. Подвинул к ней наушники.

— Послушай, пожалуйста, вот этот кусок. Кажется, микрофон цепляет посторонний шум.

На записи Максимова объясняла, почему игроку нужно

смотреть не только на мяч. На фоне звякали бутылки, кто-то смеялся, подошвы скрипели по полу.

— Звук живой, — сказала Ася. — Не обязательно вычищать всё до тишины.

— Согласен. Но вот здесь скрип перекрывает слово.

Они послушали ещё раз. Вместо того чтобы подавить все звуки зала, Егор убрал конкретный резкий пик и оставил остальное. Голос тренера стал разборчивее, а ощущение тренировки сохранилось.

— Вот теперь лучше, — сказала Ася.

— Запишу. В первый день работы новый человек поддержал мою версию звуковой реальности.

— А какая была твоя версия?

— Что зал имеет право звучать как зал.

Через полчаса Ася всё-таки ответила матери: «Могу приехать на награждение. На полчаса». Потом отложила телефон и немедленно пожалела о каждом слове. У неё было право отказаться. Мать и организатор пережили бы отказ. Но ей хотелось проверить, что случится, если она войдёт в знакомое помещение не как спортсменка, которая должна кому-то доказать своё возвращение.

В субботу у входа в бассейн она остановилась. Стеклянная дверь была новой, но запах за ней оставался прежним: влажная плитка, хлор, горячий воздух и резиновый коврик. На стене висели рисунки детей: синие полосы воды, большие золотые круги медалей, человечки с непропорциональ-

но длинными руками.

Организатор, пожилая женщина в спортивной куртке, узнала Асю сразу.

— Мы так рады, что вы нашли время. Здесь всё по-простому: шесть заплывов, потом медали. Если захотите сказать пару слов ребятам…

— Лучше после заплывов, — сказала Ася. — Когда я пойму, о чём им говорить.

Женщина выдала ей гостевой пропуск. Он оказался на жёлтой ленте, почти такой же, какую Ася вчера нашла в своей спортивной сумке. Она надела его и почувствовала, как ткань коснулась шеи. Не рванула назад, не ушла. Просто прошла за организатором на трибуну.

Дети соревновались в трёх возрастных группах. В младшей девочка в полосатой шапочке остановилась у бортика, когда другие уже проплыли половину дистанции. Тренер наклонился к ней, что-то сказал, и она снова поплыла. Зал аплодировал ей громче победителю. Ася смотрела, как девочка добирается до конца дорожки, и вспоминала, сколько времени прошло с тех пор, как она сама радовалась не результату, а тому, что закончила.

Рядом сел мальчик с полотенцем на плечах. Он держал в руках протокол и водил пальцем по строкам.

— Вы Ася Волкова? — спросил он.

— Да.

— Я видел ваше видео. Вы тогда выиграли.

— Было дело.

— Вы больше не плаваете?

Раньше вопрос звучал как дверь, за которой ей придётся подробно объяснять травму, операцию и все последствия. Сейчас мальчик смотрел на неё с обычным любопытством. Ему, наверное, было важно узнать, что происходит с человеком после победы.

— Я больше не выступаю на соревнованиях, — сказала она. — Работаю в спортивной журналистике.

— А это хорошо?

— Пока интересно. Иногда очень трудно. А иногда мне дают слишком много проводов и говорят, что они все нужны.

Мальчик улыбнулся.

— Мой папа тоже всё снимает. Даже когда я проигрываю.

— Ты хочешь, чтобы снимал?

— Я ему говорю, когда не хочу. Он иногда забывает, и тогда я напоминаю.

— И что он делает?

— Извиняется. Вчера дал мне самому стереть видео, где я кашляю после старта.

Ася кивнула. Мальчик повернул протокол так, чтобы она увидела строку.

— Я второй. Но это только потому, что Саша не пришёл.

— В протоколе написано второе место. Там не написано, что ты обязан быть быстрее Саши, чтобы оно считалось.

— Но если бы он пришёл…

— Тогда была бы другая гонка. А ты можешь посмотреть, как проплыл эту. Что у тебя получилось лучше, чем в прошлый раз?

Мальчик нахмурился. Он не ожидал, что ему предложат оценить собственный результат, не сравнивая его с отсутствующим соперником.

— Я не испугался на повороте, — наконец сказал он.

— Это хорошая вещь. Ты знаешь, как её повторить?

— Я раньше смотрел на край бассейна. А сегодня смотрел на метку внизу.

— Значит, у тебя есть конкретный ответ. Его можно проверить на следующей тренировке.

Когда мальчика позвали к тренеру, он оставил полотенце рядом с Асей, попросив подержать. Оно было тяжёлым и влажным, но привычная фактура больше не вызывала у неё того ощущения, будто она чужая здесь. Она всё ещё не хотела выходить на старт. И всё же могла держать чужое полотенце и радоваться, что кому-то хватило смелости спросить о повороте.

Награждение началось с задержкой. Организатор перепутала коробки с медалями, родители потеряли одного ребёнка, который обнаружился за стойкой с питьевой водой. Ася вручала медали, произносила имена и спрашивала у ребят, можно ли фотографироваться вместе. Кто-то соглашался, кто-то убегал к родителям, не обращая внимания на камеру. Она не удерживала их.

После церемонии к ней подошла девочка в полосатой шапочке. У неё не было медали, только бумажный диплом за участие.

— У меня было медленно, — сообщила она.

— Да, я видела, как ты остановилась и потом продолжила.

— Все уже закончили.

— Это было неприятно?

Девочка кивнула.

— А потом я подумала, что не хочу оставаться посередине.

— Понимаю.

— Вы бы тоже доплыли?

Ася почти ответила «конечно». Она всю жизнь училась говорить, что спортсмен должен бороться до конца. Но сейчас вопрос был о ней, а не об идеальном человеке на плакате.

— Иногда я доплывала. А иногда выходила из воды раньше, когда не могла продолжать. Это тоже бывает правильным решением.

Девочка посмотрела на неё с недоверием, а потом спросила:

— Даже если все смотрят?

— Особенно трудно, когда все смотрят. Но твоё тело никто не чувствует за тебя.

Девочка некоторое время рассматривала диплом. Потом свернула его трубочкой и сказала, что пойдёт искать маму. Ася не знала, помогла ли ей. Но не сказала того, во что сама

больше не верила.

На выходе её догнала организатор.

— Нам было бы очень важно, если бы вы рассказали свою историю. Детям полезно знать, что человек может восстановиться.

— Я могу рассказать о том, что после травмы жизнь продолжается. Но не хочу делать вид, что восстановление обязательно заканчивается возвращением в прежний спорт.

— Я не это имела в виду.

— Я понимаю. Просто иногда одно звучит как другое.

Женщина помолчала и попросила прощения. Ася ответила, что извиняться не нужно, и всё равно почувствовала, как снимает напряжение с плеч. Они договорились, что если в будущем будут делать встречу со спортсменами, сначала обсудят тему и не станут обещать детям историю «обязательного возвращения».

Возле выхода она случайно встретила знакомую из прежней команды. Ника работала здесь инструктором и несла стопку детских шапочек.

— Волкова? — она остановилась так резко, что верхняя шапочка упала. — Прости, я не знала, что ты будешь.

— Я тоже до вчерашнего дня не знала.

Они подняли шапочку одновременно и неловко столкнулись руками. Ника рассмеялась, затем внимательно посмотрела на Асю.

— Я пару раз писала тебе. Думала, ты не хочешь со мной

разговаривать.

— Я видела. Иногда открывала сообщение и не знала, что ответить. Потом становилось ещё труднее.

— Я спрашивала про соревнования, да?

— И про плечо. Ты не сделала ничего плохого.

— А ты могла мне не отвечать.

Ася удивилась, как спокойно это прозвучало. Ей столько раз говорили, что люди «имеют право знать, как ты», будто внимание автоматически даёт доступ к личному.

— Я всё равно скучала, — сказала она.

— Я тоже. Только не знала, скучаешь ли ты по нам или по тому, какой была тогда.

— И по тому и по другому. Но когда я думала о вас, мне казалось, что надо сначала объяснить, почему я не возвращаюсь.

Ника переложила шапочки на стойку.

— Мне ничего не нужно объяснять. Можем просто поесть где-нибудь после моей смены. Или не сегодня.

Ася посмотрела на часы. Через сорок минут ей нужно было забрать тележку с кафедры, но до этого оставалось немного времени.

— У меня есть двадцать минут.

— В соседней булочной чай делают за две. Остальные восемнадцать можем потратить на то, чтобы не говорить о бассейне.

В булочной они всё равно говорили о бассейне — ровно

три минуты. Ника рассказала, как маленький ученик впервые нырнул за кольцом, и не называла ни результатов, ни разрядов. Потом Ася объяснила, чем занимается в «Маяке». Ника призналась, что не понимает правил баскетбола, и попросила объяснить, почему игрок с мячом не может просто бежать к кольцу, сколько захочет.

— Потому что он должен вести мяч, — начала Ася. — Если закончил ведение и взял его двумя руками, второй раз начать нельзя.

— А если очень нужно?

— Тогда можно отдать передачу. На этом держится довольно много человеческих отношений.

Ника засмеялась и попросила привести пример. Ася нарисовала на салфетке площадку, обозначила пятерых игроков точками и показала, как один заслон может освободить пространство для другого. Чай остыл. Она говорила с таким увлечением, что Ника отодвинула блюдце от её локтя.

— Прости, — сказала Ася.

— За что? Я впервые за два года вижу, как ты что-то объясняешь и забываешь следить за своим лицом.

Эти слова одновременно обрадовали и укололи. Ася не хотела превращать работу в доказательство того, что всё с ней теперь хорошо. Не было такого рубежа: вчера плохо, сегодня нашла новый интерес — значит, всё прошло. Но она действительно увлеклась. И имела право этому радоваться без вывода на всю оставшуюся жизнь.

Они договорились встретиться через неделю. На этот раз Ася внесла встречу в календарь сразу, не оставляя её неопределённым «как-нибудь».

На кафедре ей выдали тележку и переходник. Преподаватель показал, как зафиксировать ящик ремнём, и попросил расписаться в журнале. Тележка оказалась тяжёлой на поворотах, но не требовала поднимать оборудование выше пояса. Ася справилась сама и даже успела сделать фотографию для Егора: аккуратно закреплённый ящик, переходник, её рука на ручке.

«Запасная техника под контролем», — написала она.

Егор ответил: «Теперь я спокоен. Тележка выглядит компетентнее нас обоих».

— Это ненадолго, — сказала Ася телефону и покатила ящик к выходу.

К вечеру она вернулась в редакцию, проверила, что взятое оборудование подходит к их камере, и сделала отдельную отметку в списке. Тележку оставили у стены, не перекрывая проход. Когда Егор похвалил её за аккуратность, она показала ему смятый ремень: застегнула правильно только с третьей попытки.

— Документировать поражение обязательно? — спросил он.

— Ты первый сказал, что проигрыш — часть спортивной работы.

— Я говорил это о баскетболистах. Мы работаем в более

уязвимом положении.

Она открыла папку с архивом и составила короткое сообщение для Максимовой. Представилась, напомнила о записи и предложила встретиться без камеры: узнать, кто снимал старый матч, кому принадлежали права на запись и хотят ли участницы вообще возвращаться к этой истории. Не обещала публикации. Не называла отсутствие женской команды «трагедией», пока не поговорит с людьми, для которых это была часть жизни.

Ответ пришёл почти сразу: «Кассету снимал мой брат. Я спрошу девочек, хотят ли они разговаривать. О себе могу рассказать во вторник. Спасибо, что сначала спросила».

Ася перечитала последние слова. В них не было ничего героического, но ей всё равно стало тепло. Возможно, доверие редко строится на одном большом жесте. Иногда оно начинается с того, что человек понимает: ему не придётся защищать своё «нет» второй раз.

Она добавила встречу в календарь, потом открыла список вопросов для Горина. Первые три касались игры, учёбы и команды. Четвёртый — места в городе. Пятый она написала и стёрла три раза.

«Что ты делаешь, когда чувствуешь, что команда ждёт от тебя больше, чем ты можешь дать?»

Вопрос был слишком личным для первого разговора по переписке. Ася отложила его в отдельный файл и придумала другой: «Как вы готовитесь к выездной игре, если у всех

разные занятия?» Этот не обещал эффектной цитаты, зато помогал понять реальную неделю команды.

Она проверила, что ни один вопрос не касается семьи или здоровья, и сохранила черновик. В этот момент заметила уведомление от Ники: фотография салфетки с баскетбольной площадкой. Точки игроков были окружены пятнами от чая.

«Я объяснила коллеге правило ведения. Теперь она думает, что я разбираюсь в спорте. Спасибо за новую репутацию».

«Пользуйся осторожно», — ответила Ася.

Ей снова стало легче дышать. Не потому, что бассейн перестал что-либо значить, а потому, что теперь между ним и редакцией появилась дорога, по которой она могла пройти в обе стороны. На одной стороне остались прежняя команда и незаконченные разговоры, на другой ждали новая работа, кабели и люди, которые не обязаны были знать все её ответы заранее.

Позже ей написал Лев:

«Если вопросы понадобятся до выезда, присылайте вечером. Завтра связи в дороге может не быть».

Она ответила: «Спасибо. Отправлю пять. Можно ответить на любые, остальные пропустить».

«А если все пять плохие?»

«Тогда это будет полезная обратная связь».

Он не поставил смайлик. Но через минуту пришло: «Договорились».

Глава 4. выезд

Воскресный матч Ася смотрела в редакции на двух экранах. На одном шла официальная трансляция хозяев, на другом Егор присылал фотографии и короткие видеозаписи со своего телефона. Иногда изображения расходились на несколько секунд: мяч уже попадал в корзину на большом экране, а на маленьком только покидал руки игрока.

По договорённости с Максимовой они заранее составили список того, что можно публиковать по ходу игры: счёт, результативные действия, составы, общие кадры трибуны. Если игрок не выходил на площадку, причина отсутствия не становилась новостью автоматически. Ася не разбором личных вещей собиралась завоевать доверие команды.

«Рубин» начал энергично. Его центровой дважды выиграл подбор у кольца «Маяка», и хозяева повели 8:2. Горин попытался ускорить игру: перехватил передачу, сразу отправил мяч Тимуру, но тот не смог закончить проход — защитник успел занять позицию.

В комментариях под постом написали: «Капитан не тянет». За этим последовали ещё три сообщения от пользователя с фотографией пустого кресла вместо аватара. Ася не стала удалять их только потому, что ей не нравилась оценка. Но четвёртое сообщение перешло к оскорблениям игроков, и она нажала кнопку модерации.

Егор написал: «Слышно? У хозяев барабан. У нас уши минус».

«Зато на видео не будет слышно, как ты комментируешь», — ответила она.

«Я комментирую профессионально».

«Прошу предоставить доказательства».

Вторая четверть пошла лучше. Максимова выпустила Илью, и тот сразу получил сложную задачу — удерживать игрока, который был на полголовы выше. Он уступил в борьбе за первый мяч, но во второй атаке успел перекрыть передачу и вынудил соперника отправить мяч за лицевую линию. Капитан хлопнул его по плечу, показывая куда встать при следующем вводе.

К большому перерыву «Маяк» уступал четыре очка. Ася написала короткий итог: «После сложного начала гости сократили отставание благодаря защите и быстрым переходам. Илья Сафронов принёс команде полезные минуты со скамейки». Она проверила фамилию и попросила Егора подтвердить цифры по статистике. Он ответил фотографией протокола и приписал: «Без барабана не слышу себя, но цифры пока узнаю».

В перерыве Ася выключила звук трансляции и потянулась к бутылке воды. Последние двадцать минут она почти не вставала: записывала изменения в счёте, сверяла фамилии и следила за сообщениями Егора. На дне бутылки оставалось два глотка. Она выпила их, посмотрела на пустой экран чата

и вспомнила, что не успела заполнить графу посещаемости.

Егор прислал цифру — тысяча сто семьдесят зрителей — и фотографию таблички у входа. Под ней одна из местных болельщиц принесла самодельный плакат: «Мы слышим вас даже на выезде». Буквы были вырезаны из бумаги, а на последней строчке кто-то поправил ошибку другим цветом.

«Это наши? — спросила Ася. — На снимке видно лицо?»

«Только руки и плакат. Девушка сказала, что их приехало семеро. Подписать можно без имён».

Ася увеличила изображение. На плакате по краям виднелись пальцы трёх человек; у одного на рукаве была нашивка университета. Фотография была не очень резкой, но в ней чувствовалась дорога: чуть помятый картон, загнувшийся угол, полоска скотча, которой наспех закрепили бумагу.

Она написала короткий пост о семи болельщиках и остановилась. Хотелось добавить: «Они проехали триста километров, чтобы поддержать команду», но точного расстояния она не знала. Дорога на карте показывала разные значения в зависимости от маршрута, а конкретный автобус мог ехать иначе. Ася убрала число и оставила «приехали на выездной матч».

В комментариях почти сразу появилась просьба: «Покажите, где смотреть статистику. Я не понимаю цифры в вашей карточке».

Автором была зрительница по имени Нина Михайловна. Она прислала фотографию экрана телевизора. Изображение

на снимке было косым, над таблицей зависло отражение лампы.

Ася ответила:

«В этой карточке указаны очки, подборы, передачи и потери. Подбор — когда игрок забирает мяч после неточного броска. Потеря — когда команда отдаёт владение сопернику из-за ошибки или нарушения».

Нина Михайловна прислала: «А подборы считать хорошими и в защите, и в нападении?»

«Да, но они означают разное. Подбор в защите завершает атаку соперника, а в нападении позволяет своей команде попробовать снова».

— Нельзя сделать нормальную подсказку один раз, чтобы человеку не приходилось спрашивать под каждой игрой? — сказала Ася вслух.

Она открыла шаблон следующей карточки и добавила строку со ссылкой на объяснение статистики. Сама подсказка ещё не была готова, поэтому ссылку пока не вставила. Записала задачу на понедельник. Придумать её было легче, чем сделать: каждое новое поле в рабочем расписании требовало чьего-то времени.

В этот момент пост о болельщиках набрал несколько десятков реакций. Среди доброжелательных комментариев оказалось сообщение: «Семь человек — весь клуб поддержки? Университетский позор». За ним появилось ещё одно, уже оскорбительное, адресованное болельщикам.

Ася удалила второе сообщение и оставила первое. Ей не нравилось, как оно было написано, но мнение о числе зрителей не нарушало правил площадки. Под ним девушка из группы поддержки ответила: «Нас семеро, потому что автобус уехал утром и не все могли пропустить занятия. Дома вас будем ждать в большем составе».

Спор закончился быстрее, чем Ася ожидала. Пользователь с пустым аватаром ничего не ответил. Зато другой человек спросил, как присоединиться к поездке в следующий раз. Девушка оставила ссылку на студенческий клуб.

Ася включила звук трансляции: комментатор рассказывал о лучших моментах первой половины. На экране повторяли передачу Горина Тимуру, затем подбор Ильи. Для подготовки новой карточки Ася остановила видео на середине атаки. По условиям эфира хозяева показывали схему со стрелками, но стрелки начинались слишком поздно: зритель видел финальную передачу и не понимал, как Тимур освободился.

Она перемотала назад и увидела, что движение началось за несколько секунд. Центровой «Маяка» занял позицию у линии штрафного, затем сместился, вынуждая защитника сделать шаг. Тимур прошёл за его спиной, а Лев сначала посмотрел в другую сторону. Соперник последовал за взглядом капитана, и между ним и Тимуром открылось пространство.

— Ты увидел это? — написала Ася Егору.

— Я был слишком занят тем, чтобы барабанщик не сбил штатив.

— Передача Льва на третьей минуте второй четверти. Тимур открылся после смещения центрового. Хочу коротко объяснить в посте.

— У меня есть кадр до начала атаки. Кину после игры, если найдёшь меня под барабаном.

Ася сделала пометку. Объяснение таких эпизодов могло помочь зрителям, которые пока различали только бросок и свисток. И ей самой нравилось искать те действия, которые не попадали в итоговую строку протокола.

На телефон пришло сообщение от матери. Она прислала фотографию книжного магазина с прикреплённой к стеклу бумажкой: «Скидка на книги с помятыми углами». Рядом кто-то нарисовал улыбающуюся книгу.

«Папа говорит, что рисунок слишком счастливый для книги с повреждением».

Ася ответила: «Её наконец прочитают. Имеет право радоваться».

Мать отправила ещё одну фотографию: пустую коробку у входа.

«Твои однокурсники забрали книги для общежития. Спасибо, что спросила у них».

Ася действительно упоминала о коробке в учебном чате, но не знала, что кто-то откликнулся. Среди повреждённых книг было несколько старых спортивных биографий. Она вспомнила, как в четырнадцать лет читала одну из них и пыталась по описанию представить чужую тренировку. В кни-

ге было много рассказано о победах и почти ничего — о днях, когда победы не случалось. Тогда это казалось естественным. Теперь ей хотелось прочитать между строк.

Егор прислал голосовое сообщение. За его спиной гремел барабан, и Ася с трудом разобрала первые слова.

— Я тут поговорил с администратором зала. После матча можно будет снять общий план пустой площадки, но у нас всего пять минут: они готовят зал для вечерней игры. Если нужен какой-то конкретный кадр, скажи заранее.

Она ответила:

— Сними табло после сирены и площадку без людей, если успеешь. Но не задерживай команду и не рискуй техникой ради красивого кадра.

— Понял. То есть барабан мы не крадём.

— Только если предложат добровольно.

Перерыв подходил к концу. На экране игроки выходили из тоннеля. Горин шёл рядом с Тимуром и говорил что-то, слегка наклонив голову. Тимур не улыбался, хотя обычно умел улыбаться даже в очереди за кипятком. Ася не могла слышать их разговор и не стала придумывать, о чём он. Зато увидела, как Илья остановился у скамейки и несколько раз повторил движение ног без мяча: шаг, остановка, разворот, ещё шаг.

Он, похоже, готовился к выходу после перерыва. Тренер могла и не выпустить его сразу, но тело игрока не знало заранее, понадобится ли ему быть готовым.

Ася вспомнила ожидание у воды. У пловцов была своя последовательность: шапочка, очки, разминка, проверка стартового номера. Но за этим порядком скрывалась одна и та же мысль: если меня позовут сейчас, сумею ли я сделать всё, ради чего работала? Она сидела у экрана с чашкой давно остывшего чая и неожиданно почувствовала, как сердце ускоряется перед чужой игрой.

«Не надо делать чужое ожидание своим», — подумала она. Но слова не выключили напряжение. Пришлось просто признать, что оно есть.

На сайте хозяев появилась обновлённая статистика. У «Маяка» после первой половины было меньше потерь, чем у «Рубина», но хуже обстояло дело с подборами в нападении. Ася выписала цифры и отдельно отметила: ранние данные могут измениться при проверке протокола. Потом подготовила две карточки — на случай, если к концу третьей четверти счёт сравняется или отставание увеличится. В каждую она оставила пустое поле для результата.

В коридоре кто-то постучал. Ася обернулась и увидела охранника корпуса с девушкой в дождевике.

— Она ищет администратора спортзала, — сказал он. — Телефон у неё разрядился. Здесь можно зарядить?

Девушка представилась Алиной. Она приехала на тренировку младшей секции, которая должна была начаться через полчаса, и не могла связаться с тренером: расписание изменили, а сообщение она получила слишком поздно.

Ася нашла свободную розетку, Егор заранее оставил в редакции универсальный кабель. Пока телефон заряжался, она открыла расписание на университетском сайте. Тренировка действительно была перенесена из большого зала в соседний корпус, но подробное объявление появилось только в закрытом чате родителей.

— На сайте до сих пор старый адрес, — сказала Ася.

— Я из другого района ехала, — ответила Алина. — У меня мама на работе, я сама смотрю расписание. В чате она есть, а я нет.

— Извини. Я уточню у администратора и попрошу обновить страницу.

Ася набрала дежурный номер. Администратор подтвердил перенос, объяснил дорогу и пообещал дать доступ тому, кто может обновить сайт. Ася отправила ему скриншот с неверным адресом. Она могла просто проводить Алину до двери, но тогда следующий человек увидел бы ту же ошибку.

— Я успею? — спросила девушка.

До начала оставалось двадцать минут. По карте дорога занимала двенадцать, но карта не учитывала дождь и длинный переход через перекрёсток.

— Если пойдём сейчас, скорее всего, успеешь. Я проведу до выхода и покажу путь.

Они быстро прошли через холл. Алина взяла заряженный телефон и застегнула дождевик. У двери Ася объяснила: до светофора прямо, потом налево, вход со стороны стадиона.

Девушка повторила маршрут и побежала к воротам. Через минуту Ася увидела, как она останавливается у светофора, несмотря на пустую дорогу. Это почему-то успокоило.

Вернувшись в редакцию, она обнаружила новое сообщение администратора: «Адрес на сайте исправили. Спасибо». Ася проверила страницу сама. Новый адрес появился, но старая карта осталась прежней. Она написала ещё раз, и на этот раз карту убрали до обновления.

На экране команды уже разыгрывали мяч после перерыва. Ася села, надела наушники и повернулась к игре. Только сейчас она заметила, что встала из-за стола, не проверив, болит ли плечо. Оно не болело. Она поставила ноги на пол, придвинула блокнот и приготовилась записывать следующий эпизод.

В третьей четверти игра стала жёстче. На одной из атак Горин отдал мяч назад, развернулся и остановился возле боковой линии. Его соперник не отступил вовремя, и их ноги пересеклись. Лев упал на бок, прикрыв голову рукой. Судья дал свисток.

Ася машинально поднялась из-за стола. На экране Горин лежал всего секунду. Потом сел, дождался, когда к нему подойдёт врач команды, и отказался от помощи подняться. Он прошёл до скамейки сам, но Максимова всё равно сделала замену.

В чате сразу спросили: «Что с капитаном?»

Ася написала Егору: «Пока без деталей. Если команда

даст официальную информацию, сообщим».

Егор ответил: «Понял».

Через несколько минут на скамейке Лев разговаривал с врачом, а затем потянулся к бутылке воды. На площадку вернулся не сразу. Ася знала, как отвратительно бывает сидеть и наблюдать, пока остальные продолжают соревнование. Мозг уговаривает тело: посмотри, ты нужен там. Тело отвечает молчанием. И ещё есть все те, кто видит, что ты сидишь.

Когда Лев снова вышел, до конца третьей четверти оставалось полторы минуты. Он передал капитанские обязанности Тимуру на время отсутствия, и тот, заметно нервничая, успел заработать два штрафных. Оба попали в кольцо.

— Хорошо, — сказала Ася пустой комнате.

Она не заметила, как в дверях появилась Катя с двумя бумажными пакетами.

— Это ты команде или обеду?

— Команде. Обед ещё не показали.

Катя поставила пакеты на стол. В одном оказались суп в закрытом контейнере и хлеб, в другом — запечённые овощи с курицей. Ася посмотрела на подругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.